

С. Л. Николаев, М. Н. Толстая
(Москва)

Диалектные тексты из закарпатского села Русская Мокрая

Закарпатское село Русская Мокрая расположено в историческом Северном Марамороше и известно с XVII в. Публикуемые тексты записаны в экспедиции Института славяноведения в 1995 г. от одного информанта и содержат в основном рассказы о периоде Второй мировой войны, венгерско-немецкой оккупации, отношениях с венгерской администрацией и историческими немецкими и еврейскими соседями, депортации евреев; другую часть рассказов составляют история села, детские воспоминания и отдельные послевоенные эпизоды. Во введении кратко охарактеризована фонетика говора и его место на диалектологической карте.

Ключевые слова: диалектные тексты, закарпатский диалект, мараморошские говоры, Вторая мировая война, устная история

Украинское село Русская Мокрая (старое название — Мокрое) Тячевского р-на Закарпатской области расположено в центре Украинских Карпат, в отрогах хребта Горганы, на высоте около 600 м, в долине реки Мокрянка в 5 км от впадения ее в р. Тересву. По данным официального сайта сельской администрации¹, население составляет около 2000 человек. Согласно тому же источнику², село впервые упоминается в 1638 г. В самом селе сохраняется устойчивое представление, что оно было основано Марией Терезией, которая «завела» на это место «украинцев-русских». Соседние села выше и ниже по течению реки, Немецкая Мокрая и Усть-Чорна, были заселены в конце XVIII — начале XIX в. немецкими колонистами [Петров 1911: 53]. Как видно из публикуемых текстов, немецкое население сохранялось в них до Второй мировой войны. Немецкое население было и в самой Русской Мокрой². Как и повсюду в Закарпатье, до весны 1944 г. в селе жили также евреи³. Отношения с не-

¹ Официальный сайт сельского поселения: Усть-Чорнянська селищна рада Тячівського району Закарпатської області. URL: <https://ust-karpat.gov.ua/structure/>

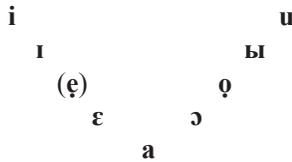
² Там же, с. Руська Мокра. URL: <https://ust-karpat.gov.ua/s-ruska-mokra-13-43-38-14-01-2021/>

³ Закарпатье / Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/11584/>

мецкими и еврейскими соседями, депортация евреев отражены в публикуемых текстах.

Говор Русской Мокрой относится к закарпатскому диалекту. По рефлексу * \bar{o} > u (точнее, по «и-образному» рефлексу) в новозакрытых слогах (*ношь > *nus/nos*) он должен быть отнесен к восточномараморошским говорам [Німчук 2004: 189], однако этому противоречат некоторые другие его существенные черты: а) *e в новозакрытых слогах перед твердыми согласными > i: **grinesľ* > **grin'üs* > *prin'is* (ср. *prin'üs* в ряде других мараморошских говоров); б) так наз. полутонность в презенсе тематических глаголов с корнями на шумный, т. е. баритонеза приставочных форм презенса при окситонезе бесприставочных (3 sg. *nesé* – *pnése*), характерная для западной части закарпатских говоров и не характерная для мараморошских [Николаев 2001: 105–109].

В говоре Русской Мокрой под ударением представлены следующие гласные фонемы:

Как и в других закарпатских говорах (за исключением гуцульских и более архаичных «палеогуцульских»)⁴, в говоре Русской Мокрой действуют смешанные фонологическо-морфонологические правила «повышения» фонем /ε/, /о/ в определенных позициях⁵. В позициях «повышения» /ε/ и /о/ представлены аллофонами [e] и [o]⁶ соответственно ([kɔɣva ~ kɔɣɔv'ɨ ~ kɔɣɔvu]).

Фонема /i/ представлена единственным аллофоном переднего ряда верхнего подъема [i]. Фонема /ɨ/ представлена континуумом аллофонов [i...ɨ], есть примеры произношения [e] (в этом случае нейтрализуются /ɨ/ и /e/). Фонема /ε/ представлена аллофонами [ε...ɛ] в нейтральной позиции

⁴ См. [АУМ 2, к. 58; ЛАЗО III, к. 310, 380; 7, 75–79, 101–105].

⁵ См. разбор таких правил, действующих в говоре с. Синевир [Толстая 2009], а также в ужанском говоре с. Убля [Брок 1898: 38–49; Leška 1973: 43–66; Лешка, Шішкова, Мушинка 1998: 254–258].

⁶ В квадратных скобках приводится транскрипция в знаках международного фонетического алфавита (МФА); вне квадратных скобок мы обозначаем эти аллофоны как e и o.

и [e] в позиции «повышения». Есть несколько редких случаев, когда *e* ведет себя как отдельная фонема: например, **teřeř*' (позиция «повышения») из-за утраты мягкости *-r*' превращается в *teř-ěř*. Фонема /a/ реализуется континуумом аллофонов [a...ä]. Фонема /u/ реализуется континуумом аллофонов [u...o]. Фонема /ы/ реализуется континуумом аллофонов [ũ...ĩ]. Фонема /o/ реализуется как [ɔ] в нейтральной позиции и [o] в позиции «повышения».

Самостоятельная фонема /o/ требует отдельного комментария. Особенностью говора Русской Мокрой, разделяемой им с другими марамо-рошскими (Луг, Бороняво, Лопухово, Широкий Луг), является рефлекс **ō* > /o/ наряду с «обычным» закарпатским /u/ (без позиционного распределения) при **o* и **u* > только /u/: **бокъ* > *buk*, **двогъ* > *dvur*, **конъ* > *kun*', **нозь* > *nus* и др. Фонема /o/ находится в свободном варьировании с фонемой /u/ этого же происхождения: **дъхогъ* > *txor*', **нозь* > *noš*, **волъ* > *vɔl*, **возъ* > *vɔs* и др. Оба рефлекса нередко отмечаются в одном и том же слове. Эта система является «обратной» по отношению к системе ужанского говора с. Убля в Восточной Словакии на границе с Закарпатьем, где перед твердыми согласными **o*, **u* > /o/ или /u/; **ō* > /u/ [Николаев, Толстая 2017; 2018]. И в говоре Русской Мокрой, и в говоре Убли наблюдается тенденция к нейтрализации фонем /u/ и /o/ в единой фонеме /u/.

Публикуемые ниже тексты были записаны весной 1995 г. в ходе экспедиции Института славяноведения. Удачей для экспедиции было знакомство с Анной Михайловной Полага (1914 г. р.), прекрасным знатоком своего говора и традиционной народной культуры своего села. Ее рассказы о верованиях и обрядах уже неоднократно публиковались нами [Толстая 2001: 491–495; 2017: 124, 126, 129, 135–136; 2021: 29]. Для настоящей публикации выбраны прежде всего тексты⁷, повествующие о периоде Второй мировой войны и венгерско-немецкой оккупации, когда мужа А. М. забрали на фронт в венгерскую армию (откуда он не вернулся), и она осталась одна с детьми. Поскольку А. М. знала венгерский язык, ей часто приходилось вступать в контакт с венгерскими властями в качестве представителя сельского сообщества и переводчика, в том числе для защиты односельчан. Другую часть рассказов А. М. составляют воспоминания о детстве (ранней утрате матери, жизни с мачехой) и отдельные послево-

⁷ Тексты записаны на магнитофон А. И. Рыко и Ю. В. Стрельниковой.

енные эпизоды. Эти живые рассказы с богатой лексикой, грамматикой⁸ и синтаксисом представляют прекрасный образец традиционного говора (хотя она и употребляет в разговоре с собирателями отдельные литературные, а даже чаще русские слова: *xáta* = закарпат. *хыжа*, *p'ík* = диал. *гуд* и т. п.; *согласів с'а, получáла, тр'áпки, ф срóк, проишéствийа* и т. п.).

Перед основной публикацией текстов приводится образец записи с использованием практической фонетико-фонологической транскрипции на основе МФА со следующими отличиями: 1) буквами *e* («закрытое e») и *o* («закрытое o») обозначены звуки, которым в МФА соответствуют знаки *e* и *o*; 2) буквой *y* обозначены аллофоны фонемы /y/ — континуум аллофонов верхне-среднего подъема [ɨ...i]; 3) буквами *š, ž, č, ž, ž* обозначены звуки, соответствующие *f, z, f, dz, dz* в МФА; 4) буквой *a* обозначен континуум аллофонов [a...ä] фонемы /a/; 5) буквой *w* обозначен континуум аллофонов [w...v] (перед глухими спирантами есть примеры оглушения [v] > [f]); 6) мягкость обозначена апострофом ', соответствующим ^h в МФА; 7) основное ударение обозначено акутом (´), побочное — грависом (˘). Употребляются следующие условные обозначения: [...] означает пропуск в записи или в расшифровке, .. — «естественную» паузу в речи; диалектный текст в квадратных скобках — не вполне ясные отрезки речи; курсив в квадратных скобках — пояснения к тексту. Знаки препинания отражают фразовую интонацию и синтаксическое членение текста. Расшифровка выполнена С. Л. Николаевым и М. Н. Толстой. Упрощенную запись и перевод этого отрывка см. ниже в основной текстовой части.

Us'íj v'ík já múšu žurítu s'a ta b'idováti. Mófio čolov'ika wz'áli na frónt, M'íšanuj týžž'in' b'ílo. Pri mad'árah. Tudí j rošip ták. B'éz v'isti, ni znáju za n'éfo. N'ígda-m ni dustála n'ijáku dořomófu, rús'k'i zajšli – aš ém prošla jakúz' dořomófu, ta fináli n'a u.. Búdap·ěšt, kazáli – idí d Búdap·ěštu, tám prošl, bo tvúj ni v'ojváv u d'obrovól'c'ax, aj u v'eňh'ěrs'kuj árm·iji. Tak'í býli l'úde, ta kážu – jaká býla deržáva, takúj s'a mús'iw putčm'áti. Ta jeřfó šandáry rovn'ěli, ščo zapozdíw s'a býiw, z.. Ířow, pok'íjna, klásti nófu w g'ips tréba býlo, ta.. is Sig'etu prešow. Ta wžé šandáry h'o čekáli v'ěsti na frónt. Ta p'ísála-m tudý, p'ísála-m.. [реплика со стороны: zabráli na..] u d'obrovól'no ni

⁸ В частности, в текстах можно найти ряд примеров употребления плюсквамперфекта, диалектного управления глаголов, *dativus possessivus* и др.

jšlí n'itkó. Nó tep'ér kážu s'í n'ime'i.. náj im Bófi dáz' zdorówl'a ta ščas'c'a. Seš'í nas mnóho pómoflí. – Í Ěřinu pøk'ijnu... [*реплика со стороны: Rozb'ílí ta mús'at pómaháti.*] – [...] bо бы мы s ním'í ni žíli n'ikóli w ssór'i, túj u nas.. – [*реплика со стороны: Rús'ka Mókra oštálas', a Lopuxóno spalíli.*] – Nó Rús'ku Mókru oštáv'ili spøk'ijno. Í přešow.. múj býv na frón't'i, přišow jakýj býv stáršij na naše seló, přešli do m'ěne, dvajé, i kazáli – n'ikúdy vší ni pakújte s'a, bо ws'ix vysel'áli. Í dáže i nášix l'uděj, i naši l'úde zab'eráli s'a.. p'éret.. při mad'árah v'íc's'í. W Narésnic'u, w h'ánič'i, s'udbí pо six sélah išli. A min'í w p'ow'iw tót staršěj, [*но-венгерски*] býv takýj. Ta kazáv – n'ikúdy ni jd'ít, vás rusinú v'íc's'í n'itkó ni v'ížene. Váš mad'áry ni búdut k'ívati. A n'ime'i ni májút práva túj n'ijákýj šúm rób'ítu, túj m'ím'ě wrémn'ě. Túj nijé vojny, káže. Jój, a máčoxa přišla do m'ěne – ta ščó ty, káže, ni pakújes' s'a fiét? – Já s'a wstájú samá w Rús'kuj Mókruj, ta aš xóčete, wstavájte s'a, – kážu máčos'í, [ju] aš n'ě, jak vam d'áka. Nó. Ta wstáli s'a. Jak'is' kazáli – nó, ni jdé Anna Polážiha, taj my ni jdem'é (bо ták m'ěně pо bát'kón'í klíčut). Anna Polážiha ni jdé, taj my ni jdem'é n'ikúdy. Mnóh'i s'a oštáli izza m'ěne bíli, ščo ni pušli.

D'iv'er' mój.. tóže býv při mad'árah u árm'iji, přišow domú.. ta pak pr'átaw s'a p'éred mad'áram'í. Ni xót'iw uže dále jtí. Nó ta i pr'átaw s'a, ta vodíw za hraníc'u nášix l'uděj, u Pól'sču, s'udbí, na Iváno-Frán'k[...], t'ikáli w Rósiju náš'i, nú. Vún vodíw. Pak' im'jéli ho mad'ári. Ta ub'íli, ub'íli, dúže wb'jéli. Nó, taj vún pošow, wród'i w árm'iju pošow. Vún pr'átaw s'a. Ta pr'átaw s'a i u m'ěne. My ták pо sus'ictvu žéli, ónde h'or'í. Bóže, kolí jdút mad'ári, u m'ín'i i sérece zam'érzne, bо znáju, ščo vún u m'ěne vad' dóma. Tág bílo ttó ščoz' dvá fiódy. Díllo s'a, ščo vún pr'átaw s'a. P'éred mad'áram'í. A ođnohó rázu přišow u noči do nás, káže – Ánno, já wži ni b'irúju túl'ko pr'átati s'a, rób'jé ščos'. A mój na frón't'i.. ták, ták, mój uže býv na frón't'i. Nó taj ščó rób'ítu. Já bdú.. [...] já znála pо-mad'árs'ky h'ovrěti, ta do m'ěne [f] částo zahodíli šandáry, ci ni pr'áče s'a j múj, ci ni wt'ík' is frón'ta, vat' ščó. Ta zahodíli j do m'ěne, [...] dúmali, ščo jmút.. d'iv'er'a wžé, čolov'íkovoho bráta.

A já kážu – jeňó njé dóma fsé, – oní m'ené v'ireľi, ty šandáry mad'árs'k'i. Taj kolí príjde wdén – býli dvajix tak'í, wdén rumým býw is Sifóta, šandár, a wdén býw nastojáščij mád'ar iz Búdap·èštu, [no-венгерски], stáršij býw do šandáru. Ta ttó býli dúže čes'n'i. Já.. nó, káže d'iv'er' – div'í s'a, ščós' rob'í, ja wže dále n.. ni hódén pr'átati s'a. Nó ščó tújky.. A já.. prešlí, jak ráz na drúhij děn' prixódit tój sámij máj česnyj stáršej na ws'í šandáry. Ta kážu – já b'im ščós' vam xót'ila kazáti, ta bóju s'a. – Ščó také? kaž'it, kaž'it, Ánnuško, kaž'it. Kážu – slúxajte. Já vam upov'im, ale liše po sekretu, bo čolov'ík múj jak s'a duznáje – príjde s fróna ta duznáje s'a, ščo já prozrádila d'iv'er'a, – ta ub'jé n'a. Jág by vyi zrobl'íl ták, aby sés' pušow na vól'u. Já za n'ěho wručáju s'a, ščo vún ni býw za ss'í dvá hódny n'igdé z dómu. U m'éne ta dóma sid'iw, kážu. N'igdé inde ni býw. Ájbo ták rob'ít, – kážu, – aby.. – mad'áry strašno b'íl! Takých prístupniku. Ták rob'ít, – kážu, – aby ni býw b'jétyj. – Nó j d'ijсно ttót čolov'ík sám jeňó wz'áw. Na íx púntk pov'iw u Sifóta, tám pódéržali hio dvá týžn'i l'is [sic]. Nó ale ně b'íl. D'iv'er'a. Ták v'ypustil, žiw, hiut to mú, jak um'ér.

[...] Aby býw m'im'í xót' kol'is' pómux ščós'. D'iv'er'. N'ikóli ne dopomúx m'i n'ičóho. Íščé kolí múj byw na frón't'i, ta wz'áw v'yd' n'á – p'is'l'á uže tóho, jak já hio v'yt'afila z' b'idý, – ta wz'áw v'yd' n'á v'úč'i dv'í. Í ttó m'i n'igda ni zaplatiw. Prósila-m u něho xýžu za s'iw, tám kúča stará.. uže býla, bo mój pómux učinítu jemú nočnyj dóm, á, malá taká xýška, wčiniłi, aby jemú s'a wstálí, mómu, v'úč'i tótý, mój takýj byw l'ub'itel' ov'éc'. A vún i ttú kúču, hi já p'rejšlá s'udý žéti, ta xót'ila-m prodati ttú kúču. Ta dr'ivá sob'í kup'jéti na zímú. Í ún i ttó ni xót'iw m'im'í dát. No já pak líšila-m – ná, kážu, najis' s'a ab'is' s'ítij býw, za ttó-s' m'i v'ytplatiw s'a, ščó-m, kážu, t'a v'ízvolila is.. Bo tág býla-m ni xót'ila, ta.. ta i ub'íl by býli tudý u t'urm'í hio.

Ta kúl'ko já túj takých l'uděj, mnohých.. Í t'ep'er ódén óde žije, sus'it, fsé spom'máje, ják-ím za n'ěho zastavála. A m'én'é ščós' šandáry z.. v'ireľi. Tótý mad'árs'k'i. Židú wni dúže ni l'ub'íl. Ta přejde s'udý šandár, káže m'im'í – náte, túj májete stó p'én'gu, nó stó p'én'gu býli v'elík'i firóš'i tofidý. – Íd'ít

kup'ít stó firám vótky, a wstán'n'i firōš'i vām naj s'a wstajút. A já pójd.. pújdu do jewrějky, [...] dúmaju – sírta wná. Ta w něji kúča j d'itěj, ta wná liš is tóho žėje. Kážu – Lájo! – imn'á juj býla Lája. – Ni pródájte nín'i vótku n'ikómu, – kážu, – takómu. Nə n'ikómu nə pródájte. Wə nín'i za firōš'i fs'ó moš. – Ta wná – ščó ta ščó. – Ták ta ták, – kážu, – šandáry m·i daváli stó p'én'gu, liš ab'ím u vás stó firám kupíla vótky, – vótka býla deševá. – Jój, – káže, – nó, dáw by ti Bóh zdorǫwl'a, – jewrějka sírta, náčne plákati.

Ниже для облегчения восприятия тексты приводятся в упрощенной фонетико-орфографической кириллической записи⁹ с обозначением мягкости согласных (с помощью апострофа) и ударениями. Для звука [j] всюду используется буква *й*. Отражается позиционное оглушение и озвончение согласных. Не отражается позиционное «повышение» гласных *e*, *o* (см. выше)¹⁰, а также произношение [o] < *ō (везде записано как *y*). Отрицательная частица пишется как *ни* (обычно) или *не* в соответствии с произношением. Колебания в произношении анлаутного *i- отражены частично (лишь в наиболее ярких случаях пониженного произношения, т. е. [i]). Наибольший беспорядок оказывается в обозначении континуума звуков /w... v/ на месте *v, *u (и *o) в позиции после гласного перед согласным; буквы *в* и *у* (*o*) используются здесь по субъективному выбору. Объяснение условных обозначений приведено на с. 241. В угловые скобки заключены реплики собирателей, обращенные к информанту. Расшифровка и перевод выполнены М. Н. Толстой.

⁹ Ср. суждение Я. Ригера о проблеме графического воспроизведения диалектных текстов: наст. изд., с. 205. Нам кажется, однако, что публикация текстов в упрощенной записи может быть адресована не только «не-лингвистам», так как сохраняет всю лингвистическую информацию, кроме специальной фонетической. При этом запись текста в транскрипции обычно тоже не может передать всей информации, нужной фонетисту, а значительная часть опубликованных транскрипционных записей текстов оказываются «автоматическими», т. е. могут быть получены из орфографического / фонематического представления путем пересчета.

¹⁰ В форме дат. пад. личного местоимения *мин'и* первый гласный, судя по высоте его произношения (между [i] и [i̯]), является реализацией фонемы /i/.

Вторая мировая война

Ус'ый в'ік йа м'ушу жури́ти с'а та б'ідова́ти. Мо́го чолов'іка вз'а́ли на фронт, М'ішаний т'ыжж'ин'¹¹ было. При мад'арах. Туды́ й погы́п так. Бе́з в'істи, ни зна́ю за не́го. Н'ігда-м ни ду́стала н'і́яку допомо́гу, ру́с'к'і зайшли́ – аш ім проси́ла йаку́з' допомо́гу, та гна́ли н'а у.. Будапешт, каза́ли – «Иди́ д Будапешту, та́м проси́, бо твуй́ ни войова́в у доброво́л'ц'ах, ай у венге́рс'куй́ а́рмий». Так'і бы́ли л'уде, та ка́жу – «Йака́ была держа́ва, такуй́ с'а му́с'ів путчин'а́ти». Та йего́ ша́ндары пове́ли, шчо запозди́в с'а бы́в, з.. Ёров, пок'і́йна, кла́сти но́гу в г'іпс тре́ба бы́ло, та.. іс Сиг'ету́ пришо́в. Та вже ша́ндары го чека́ли ве́сти на фронт. Та писала-м туды́, писа́ла-м.. [реплика со стороны, мужской голос: забра́ли на..] у доброво́л'ци.. Доброво́л'но ни йшли́ н'іткó. Но тепе́р ка́жу с'і н'і́мц'і.. на́й им Бо́г да́з' здоро́вл'а та щча́с'ц'а. Сес'і нас мно́го помогли́. Ї Ірину пок'і́йну.. [реплика со стороны: Розби́ли та му́с'ат помага́ти.] [...] бо бы́мы с ні́ми ни жи́ли н'і́коли в ссо́р'і, туй́ у нас.. [реплика со стороны: Ру́с'ка Мо́кра оста́лас', а Лопухо́во спали́ли]. Но Ру́с'ку Мо́кру оста́вили спок'і́йно. Ї пришо́в.. му́й бы́в на фронт'і, пришо́в йакый́ бы́в ста́рший на на́ше село́, пришли́ до ме́не, два́йе, і каза́ли – «Н'іку́ды

Весь век мне приходится тужить и бедовать. Моего мужа взяли на фронт, был *Мишаний тыждень*. При мадьярах. Там и погиб так. Без вести, не знаю о нем. Ни разу я не получила никакой помощи, когда пришли русские – если я просила какую-нибудь помощь, меня отправляли в.. Будапешт, говорили – «Отправляйся в Будапешт, там проси, твой воевал не в добровольцах, а в венгерской армии». Такие были люди, и говорю – «Какое было государство, такому он должен был подчиняться». И его повели жандармы, он опоздал, с Иррой [дочь А. М.], покойной, нужно было наложить гипс на ногу, и.. из Сигета пришел. И уже его жандармы ждали отправлять на фронт. И я писала туда, писала.. – [реплика со стороны: забра́ли.. в добровольцы.] Добровольно никто не шел. Но теперь, говорю, эти немцы.. дай им Бог здоровья и счастья. Они нам много помогли. – [реплика со стороны: Разби́ли [нас], так должны [теперь] помогать.] [...] Ведь мы с ними никогда не жили в ссоре, здесь у нас.. [реплика со стороны: Русская Мокрая осталась, Лопухово сожгли.] Но Русскую Мокрую оставили в покое. И пришел.. мой был на фронте, пришел [тот], кто был старший в нашем селе, пришли ко мне, двое, и сказали –

¹¹ Вероятно, неделя перед Масленичной, то же, что Пёстрая неделя у других вост. славян.

вы ни паку́йте с'а», бо вс'іх высел'áli. І да́же і на́ших л'уді́й, і на́ші л'уде забера́ли с'а.. пе́рет.. при мад'ара́х вы́ц'с'і. В Наресни́ц'у, в Га́нич'і, с'уды́ по сі́х се́лах ішли́. А ми́н'і впов'ів то́т старши́й, [...] б́ыв та́кый. Та ка́зав – «Н'і-ку́ды ни йд'іт, ва́с руси́ну вы́ц'с'і н'іткó ни в́ы́жене. Ва́с мад'а́ры ни б́удут ќивати. А н'і́мц'і ни ма́йут пра́ва т́уй н'і́йа́кый ш́ум робі́ти, т́уй ми́рне вре́мн'е. Т́уй ни́йе войн́ы», – ка́же. Ё́й, а ма́чоха пришла́ до ме́не – «Та шчо́ ты, – ка́же, – ни паку́йес' с'а гёт'?» – «Йа́ с'а вста́йу сама́ в Ру́с'ку́й Мо́кру́й, та аш хо́чете, встава́йте с'а, – ка́жу ма́чос'і, – [йу] аш н'е́, як вам д'а́ка». Но́. Та вста́ли с'а. Ё́ак'іс' ка́зали – «Но́, ни йде́ Анна Пола́жиха, та́й мы́ ни йде́ме» (бо та́к менé по ба́т'кови клі́чут). «А́нна Пола́жиха ни йде́, та́й мы́ ни йде́ме н'і́ку́ды». Мно́г'і с'а оста́ли изза́ ме́не б́ыли, шчо́ ни пушли́.

Д'і́вер' му́й.. то́же б́ыв при мад'ара́х у а́рми́й, пришо́в до́му.. та пак пр'ата́в с'а пе́ред мад'ара́ми. Ни хо́т'ів уже да́ле йти́. Но́ та і пр'ата́в с'а, та води́в за гра́ниц'у на́ших л'уде́й, у По́л'шчу, с'уды́, на Ива́но-Фра́н'к[...], т'і́кали в Роси́йу на́ші, ну. Ву́н води́в. Пак і́мили го мад'а́ри. Та убі́ли, убі́ли, д́уже вбі́ли. Но́, та́й ву́н пушо́в, врóд'і́ в а́рми́йу пушо́в. Ву́н пр'ата́в с'а. Та пр'ата́в с'а і́ у ме́не. Мы́ та́к по сус'і́цтву жи́ли, о́нде гор'і́. Бо́же, коли́ йду́т мад'а́ри, у ми́н'і і́ се́рце заме́рзне, бо зна́йу, шчо́ ву́н у

«Никуда вы не пакуйтесь», ведь всех выселяли. И даже и наших людей, и наши люди уезжали.. при мадьярах отсюда. В Нересницу, в Ганичи, сюда по этим селам отправлялись. А мне сказал тот старший, [имя] был такой. И сказал – никуда не едьте, вас, русин, отсюда никто не выгонит. Вас мадьяры не будут трогать. А немцы не имеют права здесь никакого шума поднимать, здесь мирное время. Здесь нет войны, говорит. Ой, а мачеха пришла ко мне – «Да что ты, говорит, не собираешься в отъезд?» – «Я остаюсь одна в Русской Мокрой, и если хотите, оставайтесь, – говорю мачехе, – ну а если нет, как хотите». Ну. И остались. Некоторые говорили – «Ну, не едет Анна Полажиха, и мы не поедем» (меня так зовут по отцу). «Анна Полажиха не едет, так и мы не едем никуда». Многие остались из-за меня [из тех], что не поехали.

Деверь мой.. тоже был при мадьярах в армии, пришел домой.. и потом прятался от мадьяров. Не хотел уже потом идти. Ну и прятался, и водил за границу наших людей, в Польшу, сюда, на Ивано-Франк[овск], бежали в Россию наши, ну. Он водил. Потом поймали его мадьяры. И избили, избили, сильно избили. Ну, и он пошел, вроде в армию пошел. Он прятался. И прятался и у меня. Мы так по соседству жили, там наверху. Боже, когда идут мадьяры, во мне и сердце замер-

мéне вад' дóма. Та́г б́ыло ттó шчоз' д́ва гóды. Дл́ило с'а, шчо в́ун пр'áгав с'а. Пéред мад'áрами. А однóго рáзу пришóв, у нóчй до нáс, кáже – «А́нно, йá вжи ни бирóуу т́ул'ко пр'áгати с'а, робí шчóс'». А мýй на фрón'т'í.. тák, тák, мýй уже б́ыв на фрón'т'í. Нó тай шчó робíти. Йá бд́у. [...] йá знáла по-мад'áрс'кы говорíти, та до мéне чáсто заходíли шандáры, ци ни пр'áче с'а й мýй, ци ни вт'ík íс фрónта, ват' шчó. Та заходíли й до мéне, [...] дýмали, шчо ймýт.. д'íвер'а вже, чолов'íкового брáта. А йá кáжу – «Йéго нийé дóма» всé, – онí менé в'íрили, т́ы шандáры мад'áрс'к'í. Тай колí прíйде вдéн – б́ыли двайíх так'í, вдéн румын б́ыв íс Сигóта, шандáр, а вдéн б́ыв настойáшчий мад'áр íз Бúдапéшту, [...] стáрший б́ыв до шандáру. Та ттó б́ыли д́уже чéсн'í. Йá.. нó, кáже д'íвер': «Дивí с'а, шчóс' робí, йа вже дáле н.. ни гóден пр'áгати с'а». Нó шчó т́уйкы.. А йá.. пришл́й, йак рáз на дрýгый дéн' приходíт той сáмый мáй чéсний стáрший на вс'í шандáры. Та кáжу: «Йá бим шчóс' вам хóт'íла каза-ти, та бóйу с'а». – «Шчо такé? Кажít, каж'ít, А́ннушко, кажít». Кáжу: «Слúхайте. Йá вам упов'ím, але лише по секрétу, бо чолов'ík мýй йак с'а дузнáйе – прíйде с фрónта та дузнáйе с'а, шчо йá прозрáдила д'íвер'а, – та уб'íе н'а. Йáг бы вы зробíли тák, абы сéс' пушóв на вóл'у. Йá за нéго вручáйу с'а, шчо

зает, потому что знаю, что он у меня или дома. Так было это года два. Длилось, что он прятался. От мадьяров. А один раз пришел, ночью к нам, говорит: «Анна, я уже не могу столько прятаться, сделай что-нибудь». А мой на фронте.. да, да, мой уже был на фронте. Ну что делать. Я.. [...] я умела говорить по-мадьярски, и ко мне часто заходили жандармы – не прячется ли и мой, не убежал ли с фронта, или что. И заходили и ко мне, [может] думали, что поймут уже деверя, мужниного брата. А я говорю: «Его нет дома» всё время, – они мне верили, эти жандармы мадьярские. И когда придет один – их было два такие, один румын был из Сигота, жандарм, а один был настоящий мадьяр из Будапешта, [...] старший был над жандармами. И они были очень порядочные. Я.. ну, говорит деверь: «Смотри, делай что-нибудь, я уже больше не.. не могу прятаться». Ну что тут.. А я.. пришли, как раз на другой день приходит тот самый порядочный, старший над всеми жандармами. И я говорю: «Я бы хотела что-то вам сказать, но боюсь». – «Что такое? Скажите, скажите, Аннушка, скажите». Говорю: «Слушайте. Я вам скажу, но только по секрету, потому что если мой муж узнает – придет с фронта и узнает, что я выдала деверя, – то меня убьет. Если бы вы сделали так, чтобы этот [деверь] остался на свободе. Я за него ручаюсь, что он не

вун ни б'ыв за сс'і два го́ды н'ігде з до́му. У мене та до́ма сид'ів, – ка́жу. – Н'ігде інде ни б'ыв. Айбо та́к роб'іт, – ка́жу, – аб'ы.» Ма́д'а́ры стра́шно бі́ли! Та́ких присту́пнику. «Та́к роб'іт, – ка́жу, – аб'ы ни б'ыв бі́тый». Но́ й д'ійсно то́т чолов'я́к са́м йего́ вз'ав. На і́х пу́нкт пов'ів у Сигото́, та́м подер́жали го́ два т'я́жн'і л'іш [sic]. Но́ але не́ бі́ли. Д'івер'а. Та́к вы́пустили, жи́в, гу́т то́му, йак уме́р.

[...] Абы б'ыв ми́н'і хот' ко́ліс' помух шчо́с'. Д'івер'. Н'іко́ли не до́помух ми́н'ічо́го. І́щче́ коли му́й б'ыв на фрoн'т'і, та вз'ав выд н'а – п'іс'л'а́ уже то́го, йак йа́ го вы́т'а́гла з б'іды́, – та вз'ав выд н'а ву́ц'і дв'і. І́тто́ ми н'ігда́ ни запла́тив. Просі́ла-м у не́го хы́жу за с'ів, та́м куча́ старá.. уже бы́ла, бо му́й помух учині́ти йему́ но́вый до́м, а, ма́ла та́ка хы́шка, вчині́ли, аб'ы йему́ с'а вста́ли, мо́му, ву́ц'і то́ты, му́й та́кий б'ыв л'убі́тел' ове́ц'. А вун і́ тту́ кучу́, ги йа́ пере́йшла́ с'уды́ жи́ти, та хот'і́ла-м прода́ти тту́ кучу́. Та дры́ва соб'і́ купі́ти на зи́му. І́ун і́ тто́ ни хот'ів ми́н'і да́ти. Но́ йа́ пак лі́шила-м – «На́, – ка́жу, – найі́с'с'а́ абі́с' сы́тый б'ыв, за тто́-с' ми вы́пла́тив с'а, шчо́-м, – ка́жу, – т'а́ вы́зволила ис.» То та́г бы́ла-м ни хот'і́ла, та.. та і́ убі́ли бы́ бы́ли туды́ у т'урм'і́ го.

Та ку́л'ко́ йа́ ту́й та́ких л'уде́й, мно́гих.. І́ тепе́р оден́ о́де жи́йе, сус'і́т, фсе́ спо́мина́йе, йа́к-им за не́го за́става́ла. А мене́ шчо́с' ша́ндары́ з.. в'і́рили. То́ты ма́д'арс'к'і́. Жи́ду́ вни́ ду́же ни л'убі́ли.

был за эти два года нигде, только дома. У меня да дома сидел. Нигде больше не был. Но так сделайте, – говорю, – чтобы...» Ма́дьяры страшно били! Таких преступников. «Так сделайте, – говорю, – чтобы его не били». Ну и действительно тот человек сам его взял. На их пункт повел в Сиготу, там его продержали только две недели. Но не били. Деверя. Так выпустили, жил, год, как умер.

[...] Если бы мне хоть когда-нибудь чем-нибудь помог. Деверь. Ни разу ничем мне не помог. Еще когда мой был на фронте, взял у меня – после уже того, как я его вытащила из беды, – взял у меня двух овец. И никогда мне за это не заплатил. Я просила у него хату, за этой там халупа старая уже была, мой ведь помог ему построить новый дом, а, маленькая такая хатка, сделали, чтобы ему остались, моему, эти овцы, мой такой был любитель овец. А он и эту халупу, как я перешла сюда жить, и хотела продать эту халупу. И дрова себе купить на зиму. И он и этого не хотел мне дать. Ну я махнула рукой – «На, – говорю, – ешь, чтобы ты был сыт, за то ты мне оплатил, что я, – говорю, – вызволила тебя из.» Так, если бы я не захотела, то.. то и убили бы там в тюрьме его.

И сколько я здесь таких людей, многих... И теперь один тут живет, сосед, всё вспоминает, как я за него заступалась. А мне как-то жандармы.. верили. Эти ма́дьярские. Евреев они очень не любили.

Та прийде с'уды шандар, каже мин'і – «Наге, туй майете сто пен'гу, – но сто пен'гу были велик'і гроші тогды. – Ід'іт куп'іт сто грам вóткы, а встан'н'і гроші вам най с'а встай'ут». А йа пуйду до йеврэйкы, [...] думайу – сирота вна. Та в нейі куча й д'ітей, та вна лиш ис того жийе. Кажу – «Лайо! – імн'а йуй была Лайа. – Ни продайте нын'і вóтку н'ікому, – кажу, – такому. Но н'ікому ни продайте. Бо нын'і за гроші фс'о мош». Та вна – «шчó та шчó». – «Так та так, – кажу, – шандары ми давали сто пен'гу, лиш абім у вас сто грам купила вóткы», – вóтка была дешевá. «Йой, – каже, – нó дав бы ти Бог здоров'а», – йеврэйка сирота, начне плакати¹².

Еврэйі давнó дуже лакомили с'а на Украйину. Были.. оден еврей туй торговáв, мав магазін, та кул'ко зайду, та.. за груди хáпле [шепотом]. Та коли-м го урвала у пысок у магазін'і, – ты шчó, – кажу, – думаш, кого ты берез за груди? – Нó, йа н'е думав, шчо ты такé дурнэ, – мн'і каже йеврей, бо то таг говоріли йеврейі, мáло выдлучали с'а выд нашої мóвы. Нó а тепэр ужé.. Пришóв оден був.. посл'е фронта йеврей, ус'ый фронт перейшóв. І вні.. ббли јіх.. туй ужé.. туй Надвурна тáмкы, копали йáмы йеврейі. Та загр'ібали, йіх ростр'і'овали, тáм загр'ібали, сироты тых, йеврейу. А сéго наманув тóг шан-

И придет сюда жандарм, говорит мне: «Наге, здесь сто пенге, – ну а сто пенге были большие деньги тогда. – Идите купите сто грамм водки, а остальные деньги пусть остаются вам». А я пойду к еврейке, [...] думаю – бедняга она. И у нее куча детей, и она только тем и живет. Говорю: «Лайо! – ее звали Лайа. – Не продавайте сегодня водку никому, – говорю, – такому. Ну никому не продавайте. Потому что сегодня за деньги всё можно». А она – «Что да что». – «Так и так, – говорю, – жандармы мне давали сто пенге, только чтобы я у вас сто грамм купила водки», – водка была дешёвая. «Йой, – говорит, – ну дай тебе Бог здоровья», – еврейка бедняга, начнет плакать.

Евреев когда-то очень привлекала Украина. Были.. один еврей тут торговал, у него был магазин, и как зайду.. за грудь хватает [шепотом]. И когда я его осадила [букв. оборвала в морду] в магазине, – «Ты что, – говорю, – думаешь, кого ты хватаешь за грудь?» – «Ну, я не думал, что ты такое дурное», – говорит мне еврей, ведь евреи так говорили, немножко отличались от нашего языка. Ну а теперь уже.. Приехал однажды один.. после фронта еврей, весь фронт прошел. И они.. их тут уже.. тут Надворная там, копали ямы евреи. И закапывали, их расстреливали, там закапывали, бедняг этих, евреев. А этот попался случайно

¹² Вероятно, смысл рассказа в том, что жандармы хотели поймать еврейскую женщину на незаконной торговле водкой.

дár, шчо кáжу, шчо дúже дóбрый бýв, [по-венгерски]. Ї йеврýя та впóзнав. Хлóпец', хлóпц'а молодóго впóзнав, йеврýя. Нó и йеврéй його впóзнав. Так тóт шандáр перев'ív тóго йеврéя с'удý. В Закарпáт'а. Пришóв с'удý. Нó, ун був мóйих годý рóстом, кáже – «Тý ни знáйеш, Áнно, дé мóйй сéстры, мáма?» Та кáжу – «Йíх вы́ц'с'í вы́везли, а кудý вы́везли – йá нибóре, Мóртко, ни знáйу, кудý йíх вы́везли вы́ц'с'í. Мад'áри, при мад'áрах йíх, – кáжу, тýй мáли.» дóм був óде на горóд'í, тáм бýв йíх.. збóрочный пýнкт, тáм обыбрáли выд нíх зóлото, вс'ó, мад'áри. Та вы́везли. Нó та йíх вы́везли та росстр'íl'овали. Бýли так'í, котр'í бýли богáт'í, шчо повставáли с'а. Йеврéйй, по сéлах, у л'удéй. Пр'áтали йíх нáшй л'уде. А [с'í] вы́везли ни знáйу кудý. Нó тóт кáже – «А дé нáшй вéщч'í?» А йеврéйй так'í бýли, из нáми дúже дóбр'í, а колí йíг заберáли вы́ц'с'í, ус'ó-вс'ó н'íмц'ум предáли. Вс'ó, шчо бýло в нíх. Шчо внí лиш чомодáны с собóв уз'áли, í б'íл'ше н'íчóго, тáм пос'ц'íl'не, та шчóс' мáло р'áнд'а. Та вс'ó-вс'ó н'íмц'ум. Дóста, йó. Та.. предáли. Н'íмц'ум. Кáжу – «Вáше йé.. тýй-кы вáше дáли бýли 'днóму н'íмц'ови, но тóт н'íмец' вы.. вы́везли í н'íмц'у гét. Тá, – кáжу, – 'пстáло с'а у кумý мóйойй». – «Áнно, мý с тобóв так'í дóбр'í бýли, мáма тоб'í ни дáла нíч?» Кáжу – «Дáже такýй кусóк нítкы ми ни дáла

этому жандарму, про которого я говорю, что он очень хороший был. [по-венгерски]. Он узнал еврея. Хлопец, хлопца молодого узнал, еврея. Ну и еврей его узнал. Так этот жандарм перевел этого еврея сюда. В Закарпатье. Приехал сюда... Ну, он был моих годов ростом, говорит: «Ты не знаешь, Анна, где мои сестры, мама?» Говорю: «Их отсюда вывезли, а куда вывезли – я, *неборе*¹³, Мордко, не знаю, куда их вывезли отсюда. Мадыры, при мадырах их, – говорю, – здесь..» Дом был вот здесь на огороде, там был их.. сборный пункт, там отобрали у них золото, всё, мадыры. И вывезли. Ну и их вывезли и расстреливали. Были такие, которые были богатые, что пооставались. Евреи, по селам, у людей. Прятали их наши люди. А этих вывезли не знаю куда. Ну тот говорит: «А где наши вещи?» А евреи такие были, с нами очень дружили, а когда их забирали отсюда, всё-всё немцам отдали. Всё, что у них было. Так что они только чемоданы с собой взяли, и больше ничего, там постель, и немножко одежды. И всё-всё немцам. Полно, да. И.. отдали. Немцам. Говорю: «Ваше.. тут ваше отдали одному немцу, но тот немец.. вывезли и немцев [отсюда]. И, – говорю, – осталось у моей кумы». – «Анна, мы с тобой так дружили, мама тебе не дала ничего?» Говорю: «Даже вот такой кусок нитки мне не дала твоя мама. Так как всё дала

¹³ *Неборе (ниборе)* — междометие, выражающее сожаление и горечь.

тво́йа ма́ма. Бо вс'о́ да́ла Ра́ймондови», н'імц'ови то́му, ус'о́ да́ла. Но́ н'імец' ни забра́в, бо і сво́йе ни забра́ли н'імц'і, шчо л'у́де порос'ц'іга́ли, ус'о́ такé. Но́, йа́ кажу: «Му́й ба́г'ко чита́в давнó Івангéлийе, каза́в – ни да́й Бо́х росхишча́ти чужé майно́, бо бу́де такы́й ча́с, шо бду́т оставл'а́ти сво́йі дома́, сво́йе вс'о́». А йа́ шче тогды́ тто́ й ни в'іровала, до́к ни пережи́ли с'ме ссе́ сам'і. «Но́, – ка́же, – н'іко́ли н'ічо́га [sic] ни бері́».

Но́ і йа́ та́к с'а постара́ла. Н'ічо́го йа́ ни бра́ла. Ход' бы́ было́ ми шчо́ тре́ба было́. Йо́, вз'ала-м была́ п'йа́т' м'ішкú карто́шки. Іс Комсому́л'с'ка [с. Немецкая Мокрая] привезла́-м с'уды́. Та вз'ав выд'на́ шчо́ прив'іс п'йа́т' м'ішкú карто́шки та п'йетна́ц'ит' пéнгy. То́ вели́к'і гро́ші бы́ли тогды́, п'йетна́ц'ит' пéнгy, мад'арскы́ми. Заплати́ла-м, бо у ме́не.. ус'у́ карто́шку тоты́ мад'аре́ переры́ли. Перекопа́ли. Но́чами, и в дн'ом ишли́ у нывы́. Вс'іх нас туды́ позабра́ли, та ту́ было́ по́вне село́ мад'ар'с'кых солда́ту. Трина́, йак каза́ли тогды́. Санча́с'ц', вс'о́, фс'о́ туй было́ по́вно. Бы́ли око́пы о́ндекы, та йшли́ самол'о́ты та бомби́ли. Бомби́ли, та́к стра́шно было́. Ишли́... туй бы́ли ду́же мно́го око́пу коло́ мо́ста се́го. Та мо́йа сестра́ та́м жи́ла. Та пак на́ нуч до ме́не сі́рога ходи́ла із'з'іт'мі́. Во́с'ме-ро д'іге́й было́ та з'з'іт'ми́ т'агла́ с'а тры́ к'ілом'ітры до ме́не спа́ти, бо бой-а́ли с'а та́м.. в но́чі, ночова́ти, шо бом-

Раймонду», немцу тому, всё дала. Но немец не забрал, потому что и свое не забрали немцы, что люди порастащили, всё такое. Ну, я говорю: «Мой папа читал когда-то Евангелие, сказал – не дай Бог расхищать чужое имущество, потому что настанет такое время, что будут оставлять свои дома, своё всё». А я еще тогда в это и не верила, пока мы это не пережили сами. «Ну, – говорит, – никогда ничего не бери».

Ну я так и постаралась. Ничего я не брала. Что бы мне ни было нужно. Да, я однажды взяла пять мешков картошки. Из Комсомольска [с. Немецкая Мокрая] привезла сюда. И взял с меня тот, что привез пять мешков картошки, пятнадцать пенгё. Это большие деньги были тогда, пятнадцать пенгё, мадьярскими [деньгами]. Я заплатила, потому что у меня.. всю картошку эти мадьяры перерыли. Перекопали. По ночам, и днем ходили на нивы. Всех нас туда позабирали, и здесь было полное село мадьярских солдат. Трина, как тогда говорили. Санчасть, всё, всё тут было полно. Были окопы вон там, и прилетали самолеты и бомбили. Бомбили, так страшно было. Прилетали.. тут было очень много окопов около этого моста. И моя сестра там жила. Так на ночь ко мне, бедная, ходила с детьми. Восьмеро детей было, и с детьми тащилась три километра ко мне ночевать, потому что боялись там.. ночью, ночевать, что бомбили. Ну и здесь

біли. Нó та туйкы было тта санчас'ц', коний попрі р'іку пóвно. Як пришлі.. рúс'к'і самол'óты, та гёт убіли тоты кон'і, строшчіли вс'ó с'уды попрі р'іку, нó селó ни кывали. Н'і. Н'ічóг ни бомбіли пр'áмо на селó, на домá. Лиш тоту мад'áрс'ку трину побомбіли, і мнóго солдáту погыбло мад'áрс'кых было. Но тотó до рáно тák мад'áры за.. харіли, шо н'іткó ни вídив дé, солдáту у машíну вывезли.. до дóму, куды, ни знáйу вже куды йіх попрорáдили. А кон'і закопáли, вс'ó, тák шчо до рáно ни было н'ічóго вídне. Страшнé было. Из.. котр'і л'úде жíли тák по гóрах, тотó вс'ó зогнáли долú, [поза] партизáну, абы ни мáли дé с'а пр'áтати партизáne, а тáм мад'áры вóс'ко соб'і клáли в тоты домá, думали шчо партизáne зайдут у тóт.. дóm, но вс'ó ш так'і л'úде мáли.. св'áс' ис партизáнами, та.. доношували, шчо дé ткó йé, дé мад'áры, де вóс'ко. Та й дрúгого вóс'ка ни было, дес' туды, на тых сéлах, переходіли і н'імéc'к'і вóс'ка, в нас ни было. В нас лиш приходіли в óтпуск. Нó йім тáг было заборонéно, бóже бороні, абы оні шчóс' туй комус' чиніли злó. Ни дай бóх.

Но тák приходіли есесóвц'і тоты. Быв один такый шчó... вз'áv був йеврэй, кóвдош такый був, ходів, і до мéне приходів – дай йісти, Áнно, дай йісти. Та дайú му йісти, вни кúшер держáли. Та кáжу: «Абрáмко, ты, – кáжу, – кúшер ни дёржиш?» – «Шчó ми дайúт, тó йа

была эта санчасть, лошадей полно у реки. Как прилетели.. русские самолеты, так начисто поубивали этих лошадей, всё разбомбили здесь у реки, но село не трогали. Нет. Ничего не бомбили прямо на село, на дома. Только эту мадыарскую трину разбомбили, и много солдат погибло мадыарских. Но это до утра так мадыары привели в порядок, что никто и не видел, где, солдат машиной вывезли.. домой, куда, я не знаю уже, куда их отправили. А лошадей закопали, всё, так что до утра ничего не было заметно. Страшно было. Из.. Которые люди жили так по горам, их всех согнали вниз, из-за партизан, чтобы не было где прятаться партизанам, а там мадыары военных помещали в эти дома, думали, что партизаны зайдут в этот дом, но всё-таки у людей была.. связь с партизанами, и.. доносили, что где кто есть, где мадыары, где военные. А других военных не было, где-то там, в тех селах, проходили и немецкие войска, у нас не было. У нас только приезжали в отпуск. Но им так было запрещено, боже сохрани, чтобы они что-то тут кому-то причинили зло. Не дай бог.

Но так приезжали эсэсовцы эти. Был один такой, что.. взял еврей, нищий такой был, ходил, и ко мне приходил: «Дай поесть, Анна, дай поесть». И даю ему поесть, они *кушер держали* [ели только кошерное]. И говорю: «Абрамка, ты, – говорю, – *кушер не держишь?*» – «Что

йім, – каже. – Тó йа йім, шчо мй дай-
ўт». Та дам му, попойіс'ц' та пуйде. А
йшóв тóт, н'імéc'кый солдát, та стр'гив
го. А вжé тотák óс'ін' бýла, шчо у. ф
шанцáх уже водá примéрзла. Та вун там
у тту водóу примéрз – «Ложіс', фстát',
ложіс'», по-н'імéc'кы тóму. Йá кáжу:
«Небóре, [...] нáшчо го.. мýчиш, кáжу.
Ты йди мýч май богáтых жидóу, нé сéго
кóвдоша, бо за сéго гр'іх мáйеш». Но
тóт і на мéне зрoзузлív с'а бýв. Прáвда,
н'ічóг ми ни чинív, ни.. На вéчур при-
шóв бýв, ни сáм, шчé з йакýмис'. Нó,
і йá ни оголосíла с'а с хáты нíч. [Но
вни] погр'ім'или, забрáли с'а та пушли.
Дíвл'у с'а, такá лúnна нýч бýла. Дíвл'у
с'а, пушли долóу, а йа д'іти на рúкы та
до д'івэр'а. Ид гóр'і тák на бережóк. Дó-
майу – аш вёрнут с'а, розóб'йут двéри,
нийé н'а дóма, та пуйдут соб'і, – айбо
н'і, ни вертáли с'а, пушли соб'і. Рáно-м
ишлá та бойáла-м с'а пут хáту йтí. Дó-
майу, мóже м'ínu йакýс' ват' йакý б'ідóу
тáм лíшили. Та тák с'а бóйу, тай.. нó,
шчó йа знáла. Йá ни познавáла н'і гра-
нáты, н'і м'íны тогдý шче, н'ічóга. Та
бóйу с'а, дáже тák на коридóрчику в н'а
дорóшка такá стойáла, йá бойáла с'а и
на ттú дорóшку стáти, ци нийé шчос'
пуд дорóшков. А тóл'ко..

А нóчов, нóчов.. і с'в'ítла ни мóж
бýло, ф темнот'і с'ме сид'или. Та тóго
вóс'ка ишлó, мад'áру тíх, та пл'інных.
Вéли пл'інных нáших, рúс'кых, тóй че-
рес Попад'у с'уды. Та сíроты, ужé йа

мне дают, то я ем, – говорит. – То я ем,
что мне дают». И дам ему, поест и пой-
дет. А шел этот, немецкий солдат, и его
встретил. А уже так осень была, что в
канавах уже вода замерзла. И он там в
эту воду примерз – «Ложись, встать, ло-
жись», – по-немецки этому. Я говорю:
«Неборе, [...] зачем ты его мучаешь, –
говорю. – Ты иди мучай евреев побога-
че, не этого нищего, потому что за этого
грех тебе». Ну тот и на меня разозлился.
Правда, ничего мне не сделал, не.. Вече-
ром пришел, не один, еще с какими-то.
Ну, и я не отозвалась никак из хаты. Ну
они погромели, собрались и ушли. Смо-
трю, такая лунная ночь была. Смотрю,
пошли вниз, а я детей на руки и к деме-
рю. Вверх так на горку. Думаю – если
вернутся, выбьют дверь, нет меня дома,
и пойдут себе, – но они не возвраща-
лись, пошли себе. Утром я шла и боя-
лась подойти к хате. Думаю, может
мину какую, или мало ли что [букв. ка-
кую беду] там оставили. И так боюсь, и..
ну, что я знала. Я не знала ни гранат, ни
мин тогда еще, ничего. И боюсь, даже
так в коридорчике у меня дорожка такая
лежала, я боялась и на эту дорожку на-
ступить, нет ли чего-то под дорожкой. А
только..

А ночью, ночью.. и света нельзя бы-
ло, в темноте мы сидели. И шло [много]
этих военных, мадяров этих, и плен-
ных. Вели пленных наших, русских, тут
через Попадью [название горы] сюда. И

там жыла коло р'ічки, гор'і в чолов'іковуй туй хыжи, та вже ни берова́ли йти́. А мин'і так йіг жа́лко ста́ло, йа́ за́чала.. йак тогды́ каза́ли, [со́косвы́затив], тепе́р'кы ни зна́йу, ста́ршый сержа́нт, та ка́жу – «Слу́шайте, – ка́жу, – ци мо́ж бы си́м, си́роты, да́ти попойи́сти?» – «Но́, – ка́же, аш йе́ у вас таке́ до́бре се́рце, та да́йте йім», – а йа́ по-мад'а́рс'кы говори́ла, бо йа зна́ла по-мад'а́рс'кы. А йа́ вы́несла таку́ коно́вку вели́ку дес'а́т'л'ітро́ву мо́лока, та ку́л'ко.. хл'іба-м ма́ла в ха́т'і. Бо́же, шчо́ тоты́ мин'і д'а́ковали л'у́де! Ц'і́л'ова́ли н'а в ру́кы, де́ котры́й по́пав, та́к мин'і д'а́ковали, шчо́ йа́ йіх на́корми́ла, бо уже́ бы́ были.. Уже́ та́кой, ка́же, умира́ли с'ме з го́лоду были. Укра́йинец' те́й быв, дес' ис-пут Кі́йева. А на́корми́ла-м йіх, вы́дыхлі́ коло ме́не та́м у дво́р'і, та пушли́. [Дак'] і́шче й то́т мад'а́р ми под'а́ковав, шчо́-м йіх на́корми́ла. «Ма́й ско́ро, – ка́же, – бду́ и йа́ з ни́ми до́ма».

Тако́го прои́ше́ствийа́ бы́ло за тто́, шчо́ йа зна́ла по-мад'а́рс'кы говори́ти, туй бы́ли на сел'і́ л'і́сникы́ мад'а́ры, та.. Но́ бы́ли в одної́ жоны́ два́ паца́ны так'і́, но́ йак на́ш Ва́с'а, а вдён і́шче ма́й ма́льый. Но́ тоты́ оту́й [...] і́д го́р'і жи́ли, та.. д'і́ти гра́ли с'а та́мкы. Сс'і́ л'і́сникы́ пйа́н'і, мад'а́рс'к'і, і́шли, а д'і́ти дес' ка́м'ін' ру́шили, [...] до́лу го́ров ка́м'ін' кача́йе с'а. А вны́ каза́ли, шчо́ хо́т'іли йіх то́ты д'і́ти уби́ти, та в'і́д'іла жі́нка одна́ та́м. На тту́ жі́нку на́прави́ли, шчо́

бе́дные, уже́ я там жи́ла о́коло речки, на-верху в мужни́ной это́й ха́те, и уже́ они бы́ли не в силах і́дти. А мне так их жа́лко стало, я на́чала.. как то́гда говори́ли, [по-венгерски], тепе́рь не зна́ю, ста́рший сержа́нт, и гово́рю: «Слу́шайте, – гово́рю, – а не́льзя ли э́тим, бе́дные, да́ть пое́сть?» – «Ну, – говори́т, – е́сли у вас та́кое до́брое се́рдце, то да́йте им», – а я по-мадья́рски говори́ла, я ве́дь уме́ла по-мадья́рски. А я вы́несла та́кой бидо́н бо́льшой де́сятилитро́вый мо́лока, и хлє́ба, ско́лько бы́ло в ха́те. Бо́же, как ме́ня э́ти лю́ди благода́рили! Це́ловали мне ру́кы, куда́ кто по́падет, так ме́ня благода́рили, что я их на́корми́ла, пото́му что уже́ бы́. «Уже́ так, – говори́т, – мы умира́ли с голо́ду». Укра́инец то́т бы́л, где-то из-под Кі́ева. А на́корми́ла я их, отдо́хнули о́коло ме́ня там во дво́ре, и по́шли. И е́ще и то́т мадья́р ме́ня поблага́дарил, что я их на́корми́ла. «Скоре́е, – говори́т, – и я с ни́ми о́кажусь до́ма».

Та́к получи́лось пото́му, что я уме́ла говори́ть по-мадья́рски, зде́сь бы́ли в селе́ лесни́ки мадья́ры, и.. Ну́ бы́ли у одной́ же́нщины два́ паца́на та́ких, ну́ как на́ш Ва́ся, а о́дин е́ще ме́ньше. Ну́ они тут вы́ше жи́ли, и.. де́ти игра́лись там. Э́ти лесни́ки пья́ные, мадья́рские, шли́, а де́ти где-то ка́мень двину́ли, вниз по скло́ну ка́мень ка́тится. А они сказа́ли, что хо́тели их э́ти де́ти уби́ть, и ви́дела же́нщина о́дна там. На э́ту же́нщину ука́зали, что она́ их ви́дела, паца́нов, а

ттá йїх в'їд'їла, пацану́, а вні́ ни каза́ли, шчо тто́ так'ї д'їти, ай шчо тто́ вели́к'ї пацаньї́. Бо́же, привели́ тту́ жїнку туй-кы, а такый попáв с'а закл'áт'ї два шанда́ры, шчо сїлно бїли. Л'удей. Привели́ тту́ жїнку, та йа ка́жу: «Йафїю, лиш кажїт' то́ шчо сте в'їд'їли, ни.. Не жур'їт с'а». Осподи. Она́ ка́же: «Хлópчыкы сид'їли, та́м онї йшли́, н'їткó, йá н'їко́га [sic] ни вїд'їла абы́ йїх бїв, н'їткó ни качáв кам'їна́, н'ї нїч». А сис'ї ка́жут: «Так кажї́, йак онї ка́жут!» Та хот'áт бїти жїнку, а такый закл'áтый бїв, шчо та́к с'а го л'уде бойáли то́го шанда́ра! Коли вьг'áх.. вз'áв, но туйкы багнёт, да то́т по́йас, та хот'їв жїнку вдáрити. Йá ззадá вхо́пила за багнёт то́т. Ка́жу: «Зна́йте шчо? Вы́ мене туй ни вз'áли, абїм йá с'а дивїла, шчо вы б'їдну жїнку б'їете́. Вы́ вз'áли менé на товмачá. А вы́ – заставл'áете йе́ абы́ вна́ брехáла, а йá б.. На́й да́е в с'уд. А йá бду в с'уд'ї каза́ти, шчо вы́ йийї при-му́шовали, абы́ вна́ брехáла». Йá с тым шанда́ром та́к с'а загрызла бїла тогды́. Но́, пра́вд'ї бы́ти, вонї́ мин'ї н'їко́га [sic] ни с'м'їли, бо вні́ вже увїд'їли, шчо дру́г'ї.. то́т [ф'еуводнот'], шчо дуже́ вун́ изо мнóв до́брый. Из-за то́йї, из-за д'ївер'а. Та вже́ пак ни с'м'їв ми нїч каза́ти.

Ра́шк'їй клі́кав с'а, такый дуже́ бїв закл'áтый. Закл'áтый шанда́р. Та́к мо-рїв жїно́к, шчо чу́до. Туй і ма́чоха в хь́жи, и [sic] йá пришлá, та вун́ имїв

они не сказали, что это такие дети, а что такие большие пацаны. Боже, привели эту женщину сюда, а такой попался – злощие двое жандармов, что сильно били. Людей. Привели эту женщину, и я говорю: «Яфия, говорите только то, что вы видели, не.. Не беспокойтесь». Господи. Она говорит: «Мальчики сидели, там они шли, никто, я никого не видела, чтобы их бил, никто не скатывал камни, ничего». А эти говорят: «Так говори, как они говорят!» И собираются бить женщину, а такой был злощий, что так его люди боялись, этого жандарма! Когда вытянул.. взял, ну здесь штык, и этот ремень, и хотел женщину ударить. Я сзади схватилась за штык этот. Говорю: «Знаете что? Вы меня сюда взяли не для того, чтобы я смотрела, как вы бедную женщину бьете. Вы меня взяли за переводчика. А вы – заставляете ее, чтобы она говорила неправду, а я.. Пусть подает в суд. А я скажу на суде, что вы ее заставляли говорить неправду». Я с этим жандармом так сцепилась тогда. Но, правда сказать, они мне ничего не смели [сделать], потому что они уже увидели, что другие.. тот [по-венгерски], что он со мной в очень хороших отношениях. Из-за той, из-за деверя. И уже не смел мне ничего сказать.

Рашкий его звали, такой очень был зловерный. Злощий жандарм. Так мучил женщин, что чудовищно. Тут и ма-чеха в хате, и я пришла, и он схватил

менé на пóс'ц'іл'і [этот]. Коли́-м с'а упéлла ногóв та дрýлила нím, [ате-дiсно], кáжу. Кáжу му – «Ты свiн'о. Шчó дýмайеш, хочеш абi-м т'а заголосiла, шó ты рóбиш? Мéне [sic] чолóв'iк на фрón'т'i. Шчó мин'i трéба, кáжу, кóпыла йакóгос' мад'áрс'кого ци шчó?» [Пак тák угáй] сердiтый бiв. Дрýг'и повертáли, знáти, ци ни об'i-жáйе н'а ткóс', но вún никóли ни заходiв, ужé бойáв с'а. А тák н'а наморiв, шчо гét-им плáт'а овс'удi порвáла, з нím мотáйучи с'а, тай сестрá мóйа пок'iйна в хýжи, i мáчóха. I д'iти. I тóт.. йакýз' з'в'iр' бiв, дура́к.

[...] ни трóнули, знáйте, бо в Брýс-тур'ix [*старое название с. Лопухов*] убi-ли бýли оф'iцэру мад'áрс'ких, а у нас тiхо бýло, нашi л'уде спок'iйн'и бýли, н'iкóго ни трóгали. Та так.. устáла с'а Рýс'ка Мокра. А мýй бiв дýже чолóв'iк такiй óстрый, тán'ц'и бýли, á пришлi мад'áри, так'и солдáты, выган'áти с тán'ц'ув л'удéй вон. Гóсподи, а мýй такiй закл'áтый бiв, коли вхóпив тóго шандá.. но н'é шандáр, áй солдáт. То тák ним дáв у двэр'и, шчо сéред вýлиц'и росплiв с'а тóт. Схóпив с'а, вiткы. А мýй стáв i менé обiйáв, тák стоимé. А [у] мiн'и сэрце лиш тáг гýпáйе, но тпér го забéрут, i вс'ó. – «Вы ни в'iд'или, ткó тто менé дрýлив вiц'с'и»? – «Мы ни в'iд'или, мы ни.. тýй л'удéй богáто, мы ни в'iд'или». Кáжу йа мóму: «Т'i-кáйме гét вiц'с'и, бо мóже шче ткóс'

меня на кровати, этот. Я как уперлась ногой и оттолкнула его, [...] говорю. Говорю ему: «Ты, свинья. Ты что думаешь, хочешь, чтобы я на тебя заявила, что ты творишь? У меня муж на фронте. Что мне, надо, – говорю, – байстрюка какого-то мадьярского или что?» И потом всегда он был сердит [на меня]. Другие навещали, узнать, не обижает ли меня кто, но он никогда не заходил, уже боялся. А так меня измучил, что совсем я платье тут порвала, пока с ним канителилась, и сестра моя покойная в хате, и мачеха. И дети. И этот.. какой-то зверь был, дурак.

[...] не тронули, знаете, ведь в Брустурах был случай, что убили офицеров мадьярских, а у нас тихо было, наши люди спокойные были, никого не трогали. И так.. осталась Русская Мокрая. А мой был очень человек такой острый, танцы были, а пришли мадьяры, такие солдаты, выгонять с танцев людей на улицу. Господи, а мой такой бедовый был, как схватил этого жанда.. ну не жандарм, а солдат. И так его вышвырнул в двери, что тот растянулся посреди улицы. Подхватился, откуда [т. е. кто его вышвырнул]. А мой встал и меня обнял, так стоим. А во мне сердце так стучит, ну теперь его заберут, и всё. «Вы не видели, кто это меня отсюда вытолкнул?» – «Мы не видели, мы не.. здесь людей много, мы не видели». Говорю я моему: «Безим прочь отсюда, может быть, еще

направит та заберут т'а». Та пак... так л'уде позаберали с'а вс'і скорше там ис.. тойі.. коршма, йаг давнó казали. Та забрали с'а, та так тот і ни взнáv н'ігда, тко го.. [в]ёр ис коршмы. Н'іткó ни направив.

Там палили, убили ббли оф'іцёру мад'арс'ких испалили, а туй н'ічóго, ни кывали н'ікóго. І так йак ужé забрали с'а выц'с'і, та ішче-м попросила йіх абы хот' одén муст лишили. Ішли б'йучи мосты. Та кажу – лишіт хот' одén муст, абй-м з'з'іт'мі могла в село пуйті, шчóс' йісти купіти. Оні так послушали н'а, ни.. ни убили тот муст, шчо туй йé, óнде гор'і.

[...] (Н'імé)ц'ку Мокру остали, там одны н'імц'і жили. (И в Усть-Черной?) І в Уш-Чорнуй н'імц'і жили, там україйн'ц'ув ни было. То типёр'кы вжé, йак н'імц'і забрали с'а в Герман'йу, та.. із Лопухóва, с Колочавы переході.. перейшли жити у Комсомул'с'к. А лопух'івс'ких мно́го жийе в Уш-Чорному, покуповали соб'і домá выд н'імц'ув, та там заселили с'а лопух'івс'к'і мно́го.

[...] дв'і с'а встали жоны так'і, шчо при мад'арах йім л'уде умелли, йа та шчé вдна. Жийе баба, май старá выд мене за чотыри гóды шче. Чáсто приходит до мене. Зга́дуйеме сво́йу б'ідú, йак ис'ме б'ідовали. Шчо йа б'ідовала, в мене.. Іра пок'ййна в чотыри чáсы nóгу улóмила п'ісл'а об'іда, а в шіс'ц' М'і-

кто-нибудь укажет на тебя, и тебя заберут». Ну и.. так люди поуходили все скорее из.. этой.. корчма, как раньше говорили. И поуходили, а так тот н не узнал никогда, кто его выбросил из корчмы. Никто не указал [на мужа].

Там [в Лопухове] жгли, там до этого убили офицеров мадыарских, жгли, а здесь ничего, не трогали никого. И так, когда уже уходили отсюда, и я еще попросила их, чтобы хоть один мост оставили. Они шли, уничтожая мосты. И говорю: «Оставьте хоть один мост, чтобы я с детьми могла в село пойти, что-то купить поест». Они так послушали меня, не.. не уничтожили тот мост, что здесь, там выше.

[...] Немецкую Мокрую, там одни немцы жили. <И в Усть-Черной?> И в Усть-Черной немцы жили, там украинцев не было. Это теперь уже, как немцы уезжали в Германию, и.. из Лопухова, из Колочавы переході.. перешли жить в Комсомольск [название Немецкой Мокрой при СССР]. А лопуховских много живет в Усть-Черной, понакупили себе дома у немцев, и там заселились лопуховских много.

[...] две остались женщины такие, у которых при венграх мужья умерли, я и еще одна. Живет бабушка, еще старше меня на четыре года. Часто приходит ко мне. Вспоминаем свою беду, как мы бедовали. Как я бедовала, у меня.. Ира покойная [дочь] в четыре часа ногу сломала после обеда, а в шесть родился

ша наро́див с'а. А ста́рший хло́пец' хво́-
рый бы́в. Ота́к де́с'ат' м'іс'ац'у лежа́в
то́т хло́пец' у ме́не. Захво́р'ів на се́рце.
Та де́с'ат' м'іс'ац'у лежа́в, уже му́й
на фро́н'т'і бы́в, коли́ уме́р хло́пчик,
де́в'яд' го́ду ма́в. Вели́кий уже́ бы́в.
О́й, йа́к-им за ні́м.. пла́кала, гор'ова́ла,
бо́же (милости́вый). Та уме́р. Му́й на
фро́н'т'і.. Но́, Іра з но́гов.. Пра́вда, до́х-
тур бы́в мад'а́рс'кий дуже́ до́брый чо-
лов'я́к, ішо́в ча́сто пров'і́рати хво́ро-
го се́го мо́го хло́пчика, та́й но́гу, та́й
пришо́в до ха́ты г'і́пс изнима́ти, Іри́н'і
пок'ійну́й з но́гы. Та тто́ давно́ вуше́й
по́вно в г'і́псови бы́ло, та бло́х, ус'а́ко-
го тако́го. А ву́н.. Кажу́.. йа́ на по́стели,
на крава́т'і, та ка́жу – «Ту́й знима́йте,
н'і на..» сунду́к такы́й покла́в. Та йа́
покла́ла вере́ту, йа́ жал'іла Іру, абы́ ни
на го́луй до́с'ц'і та́м. И н'і, ву́н [...] тту́
ссу́нув ге́т вере́ту, изн'а́в г'і́пс, а тто́
ту́й нога́ бы́ла вло́млена. Вс'о́ че́рево,
у г'і́псови, і ці́ла нога́. У́н изн'а́в то́д
г'і́пс, вз'а́в п'інце́т, росц'іга́йе – бо дав-
но́ ни та́к кла́ли г'і́пс, йа́к тепе́рky, г'і́пс
на го́лу но́гу, навива́ли тогды́ ва́ту, ра́с
ва́тов опкла́дали но́гу, та по́тому г'і́псом
навива́ли. То́т до́хтор ус'і́м гово́рив,
шчо ву́н у жит'у́ такы́й г'і́пс ни знима́в
чы́стый, йа́к у ме́не. «Н'ігде́, – ка́же,
– ни бы́ло н'і во́ши, н'і блы́хы в то́му
г'і́псови – йа́к вы́ ссе́, – ка́же, – мо́гли та́к
вско́тїти, шчо н'ічо́го нийе́?» Та ту́й
йеде́н н'іме́ц' ма́в но́гу то́же вло́млену,
шчо ву́н приході́в знима́ти г'і́пс. Та та́м

Миша. А старший мальчик был болен.
Так десять месяцев лежал этот мальчик
у меня. Заболел сердцем. И десять ме-
сяцев лежал, уже мой на фронте был,
когда умер мальчик, ему было девять
лет. Большой уже был. Ой, как я по
нему.. плакала, горевала, боже (милос-
тивный). И умер. Мой на фронте.. Ну,
Ира с ногой.. Правда, доктор был ма-
дьярский очень хороший человек, ча-
сто приходил проведать больного этого
моего мальчика, и ногу, и пришел на
дом гипс снимать, Ирине покойной с
ноги. А раньше вшей полно в гипсе
было, и блох, всякого такого. А он.. Го-
ворю.. я на постели, на кровати, и гово-
рю: «Здесь снимайте, не на..» сундук
такой положил. И я постелила просты-
ню, я жалела Иру, чтобы не на голой
доске там. И нет, он [...] стянул долой
простыню, снял гипс, а это тут нога
была сломана. Весь живот в гипсе, и
вся нога. Он снял этот гипс, взял пин-
цет, раскрывает – раньше ведь не так
клали гипс, как теперь, гипс на голую
ногу, обматывали тогда ватой, сначала
ватой обкладывали ногу, а потом гип-
сом обматывали. Этот доктор всем го-
ворил, что он в жизни такой гипс не
снял чистый, как у меня. «Нигде, –
говорит, не было ни вши, ни блохи в
этом гипсе, как вы это, – говорит, –
смогли так уследить, что ничего нет?
Тут у одного немца была сломана тоже
нога, и он приходил снимать гипс. И

было, каже, повно вушэй у тум г'іпсови. Й'ак вы всокотіли?» – «Й'а кажэ́ый д'ен' – им м'ін'ала чісте р'ан'д'а д'ітін'і, тай п'ос'ц'іл', та кажэ́ый д'ен' перем'ін'овала, і н'іко́го-м на тту́ крав'ат' ни пу́стила с'істи». Но́, та тотó вс'ім бы́ло, та пришла́-м раз до не́го бы́ла на л'ікарства, та та́м й'ак'іс' панич'і сид'іли, – «Г'е́, каже́, за [с'ш'']у́ жінку й'а вам роска́зовав, за то́д г'іпс. Шо й'а ни зним'ав так'ій г'іпс...» А тто́ быв од'ен й'ак л'існич'ий, – «А! – [д]а вун мен'е познава́в, – та тто́ вы́, каже́, та́к мо́гли всокотіти д'ітину́, до́ктор' нам роска́зуйте про ва́с. А мы́ ни зна́ли, ко́тра тто́». – «Й'а», – ка́жу. – «Но́, – каже́... – ф'айно сте всокотіли». Два м'іс'ац'і бы́ла в г'іпсови. І вс'о́.. Но́ та та́к.. Ва́с'ка уме́р, ста́рший уже́ тот. Му́й на фр'он'т'і. Уже́ ни мо́ж бы́ло да́ти н'і телегра́му за ні́м, бо вже́ ни пуска́ли до до́му, [то́ты (?)] д'ес' пу́стили го бы́ли – ко́лі на фр'онд дава́ли, та пу́стили до́му попрошча́ти с'а. А та́к.. пушо́в і пушо́в. Со́рок тре́того го́да пу́стили го бы́ли до до́му попрошча́ти с'а. А да́ле на фр'онт. Та с фр'онта вс'о́¹⁴ ми пис'ав, таку́ кучу ма́йу онде пис'ем й'его́ с фр'онта. Піше́, та ни мо́ж бы́ло іна́к та [...] шчо́ д'ідо іде́ впер'ет, шчо́ жен'е.. ву́ц'і д'ідо н'і.. за н'імц'ув, шчо́.. вже́ й'ак за́чали выдступ'ати н'імц'і. Та вун уже́ піше́: «Мо́же ско́ро бдем'е́

там было, – говорит, – полно вшей в этом гипсе. Как вы уследили?» – «Я каждый день меняла чистое белье ребенка, и постель, и каждый день меняла, и никого не пускала садиться на эту кровать». Ну, это у всех было, и пришла я однажды к нему за лекарствами, а там какие-то молодые господа сидели, – «Э, – говорит, – об этой женщине я вам рассказывал, об этом гипсе. Что я не снимал такого гипса...» А это был один как лесничий, – «А! – да он меня знал, – так это вы, – говорит, – так ухитрились доглядеть ребенка, доктор нам рассказывает о вас. А мы не знали, о ком речь». – «Я», – говорю. – «Ну, – говорит.. – хорошо вы доглядели». Два месяца была в гипсе. И всё.. Ну вот так.. Васька умер, старший уже тот. Мой на фронте. Уже нельзя было его и телеграммой вызвать, потому что уже не пускали домой, [...] однажды его отпустили – когда отправляли на фронт, пустили домой попрощаться. А так.. ушел и ушел. В сорок третьем году его пустили домой попрощаться. А потом на фронт. И с фронта всё мне писал, такая куча у меня там его писем с фронта. Пишет, что нельзя было иначе, и [...] что дед идет вперед, что гонит.. овец дед не.. немцам, что.. уже когда начали отступать немцы. И он уже пишет:

¹⁴ Ожидалось бы *все* 'всё время, постоянно', ср. выше: *й'его́ ний'е́ до́ма вс'е́* 'его постоянно нет дома', ниже: *й'а вс'е́ на́д' ій'ала с'а, шчо́ вун д'ез' жи́йе* 'я всё надеялась, что он где-то живой'.

до́ма». Но́ так переве́ли йих.. переишли́ ис.. Б'іло́русьи́й, у Б'іло́русьи́й б'ыв. Переишли́ в [Кейсе́квошме́д'а]¹⁵, в'ыт-ты ми пос'л'ідн'і дв'і піс'ма присла́в б'ыв. Му́й. Н'іме́ц'ков грани́ц'ов, б'ыло та́м шісна́ц'ц'ит' к'іломе́тру выд Герма́н'ійі. Присла́в ми дв'і піс'ма, а по-то́му н'ічо́го, н'іч. Та́й писа́ла-м.. [...] отв'ітили «поги́б без в'істи».

Тко́ зна́йе, йа все́ на́д'ійала с'а, шчо в'у́н де́з'ж'ийе. Ку́л'ко св'атали с'а до н'а́, а йа ка́зала, шчо н'і. Та́й н'а́ голо́ва из В'у́гл'і, хло́пец', св'атав. А́, ка́жу, С'ц'о́-па, жени́ с'а на д'івц'і. Йа́ аш му́й чо-лов'і́к ве́рне с'а, йа́ ни хо́чу, абы мо́йі д'іти си́рота́ми б'ыли попр'і живо́го вуц'ц'а́. Йа́, ка́жу, лиш ве́рну с'а т сво́му чолов'і́кови жи́ти. [Зна́й], аж бы с'а вер-ну́в ис фронта́. Пак-і́м ни хо́т'іла н'і-ко́го. А́, [но і] б'іда́. На́шчо ми чолов'і́ка. Йа́ б'ыла зд'убна до вс'о́го, зроби́ти соб'і вс'о́ сама́, вс'о́. Та́к йа́ на́вчи́ла с'а, шчо й тепе́р мин'і.. ни б'ыло т'а́шко, і Ири́на пок'і́йна з ме́не на́вчи́ла с'а.. жи́ти на с'в'іт'і, і б'ідова́ти, і де́с' і до́бре б'ыло, і б'ідова́ла. Б'ідова́ли с'ме вс'а́ко [мы]. Ири́на рози́йшла́ с'а ш чолов'і́ком, з одні́м, по́тому в'ійшла́ за дру́гого вз'а́муш. Та д'іте́й ни б'ыло, зза д'іте́й рози́йшли́ с'а, а то́т і тепе́р жал'і́е за н'ів, чо́го в'у́н изза́ д'іте́й, ка́же, мо́гли вз'а́ти д'іти́ну з д'іддо́ма та в'ы́кохати. Та́ Іра́ уже́ ра́да б'ыла с'ім д'іт'ом, М'і-шовым, она́ йі́х та́к ду́же л'убі́ла...

«Может, скоро будем дома». Ну так пе-ревели их.. перешли из.. Белоруссии, в Белоруссии был. Перешли в Кёсег, от-туда мне последние два письма при-слал. Мой. На немецкой границе, было там шестнадцать километров до Герма-нии. Прислал мне два письма, а потом ничего. И я писала.. [...] ответили «по-гиб без вести».

Кто знает, я всё надеялась, что он где-то живой. Сколько сватались ко мне, а я говорила, что нет. И меня голова из Угли, хлопец, сватал. «А, – говорю, – Степа, женись на девушке. Я, если мой муж вернется, я не хочу, чтобы мои дети сиротами были при живом отце. Я, – говорю, – вернусь к своему мужу жить. Знай, если бы вернулся с фронта». И я не хотела никого. А, ну и пусть [букв.: ну и беда (с ним)]. Зачем мне муж. Я ко все-му была способна, сделать себе всё сама, всё. Так я научилась, что и теперь мне.. не было трудно, и Ирина покойная от меня научилась.. жить на свете, и бедовать, и где-то и хорошее было, и бедо-вала. Бедовали мы по-всякому. Ирина разошлась с мужем, с одним, потом вы-шла за другого замуж. А детей не было, из-за детей разошлись, а тот и теперь жалеет о ней, чего он из-за детей, гово-рит, могли взять ребенка из детдома и вырастить. И Ира уже рада была этим детям, Мишиным, она их так сильно любила...

¹⁵ Город Кёсег на западной границе Венгрии, в медье Ваш.

[...] П'і'с'л'а войн'ы м'ы ни ч'у'ствова-ли так голодо́вки, йак тепе́р. Да́же і при мад'арах бы́ло.. б'і'л'ше проду́кту, при войн'і, мы зов'і'м ни.. б'і'дова́ли. За проду́ктами. Уже мо́го чолов'і'ка вз'а́ли на фронт, со́рок.. дру́гого го́да, але йа́ получа́ла, грóшій нам не́ платі(ли) лиш йак'іс' та́м пен'гы. С'і'м ци ку́л'ко-м дустава́ла на м'іс'ац'. Айбо дустава́ли с'ме проду́кты, муку́, да́же і марга́рін дава́ли нам. Ус'о́ такé жо́нам, котри́х л'уде́й забрали, та забра́ли мо́го. йак уз'а́ли. Іра пок'ійна впала та но́гу вло́мила, у чоты́ри ча́сы. А у шіс'ц' с'е́с'с'а наро́див. Тай ту́й дустав пове́стку му́й іти́ на фронт. Ну до́хтор бы́в мад'ар-с'кый д'уже до́брый чолов'і'к. Та напи-са́в.. у п'я́д' бо́л'низ' [зов] Сигóта. У Румы́нийу, в Сигет туды́. Де́ бы покла́ли г'іпс на но́гу Ірін'і пок'ійну́й. Та он' у п'я́туй бо́л'ници найшли́. Із-за.. то́т вра́ч.. допому́х. Покла́ли, до́к пришо́в іс Сигóта, му́й, з Іров, уже́ го.. та пов'істка ж.. иж'а́ла. И.. [днóм] ун пришо́в та́кой, тай ра́но му́с'ів іти́, гёт. Пов'істка. Ун іс ха́ты выйшов, пушо́в на ста́нц'ію, ту́й по́йіст ставав о́декы. Тай ту́й шанда́ры. За нім, ве́сти го на фронт, бо вун.. уже в'ытты да́ли, шчо вун ни йавів с'а.. ф срóк. Та ка́жу – ід'іт. Вун пушо́в, при-шо́в снóчи, ка́жу, у но́чі с.. Сигóта. Та по.. пушо́в уже́, ка́жу. Но́, пушо́в, пу-шо́в, ка́жу. И пушо́в и на днéшний дéн'. Н'іко́ли ни верну́в с'а.

[...] После войны мы не чувствовали так голодовки, как теперь. Даже и при ма-дьярах было.. больше продуктов, во вре-мя войны, мы совсем не.. бедовали. В от-ношении продуктов. Уже моего мужа взяли на фронт, в сорок.. втором году, но я получала, денег нам не платили, кроме каких-то там пенгё. Семь или сколько я получала в месяц. Но мы получали про-дукты, муку, даже и маргарин давали нам. Всё такое женщинам, чьих мужей забрали, и забрали моего, как взяли. Ира покойная упала и сломала ногу, в четыре часа. А в шесть этот [сын А. М.] родился. И тут получил повестку мой идти на фронт. Ну доктор был мадьярский очень хороший человек. И написал.. в пять больниц в Сигете. В Румынию, в Сигет туда. Где бы положили гипс на ногу Ири-не покойной. Так аж в пятой больнице нашли. Из-за.. тот врач.. помог. Положи-ли, когда пришел из Сигота, мой, с Ирой, уже его.. эта повестка.. ждала. И.. днем он пришел так, и утром должен был уез-жать. Повестка. Он вышел из хаты, по-шел на станцию, тут поезд останавливал-ся вот здесь. И тут жандармы. За ним, отправлять его на фронт, потому что он.. уже оттуда сообщили, что он не явился.. в срок. И говорю: «Идите. Он пошел, при-шел вчера вечером, – говорю, – ночью из.. Сигота. И пошел уже, говорю. Ну, по-шел, пошел», – говорю. И пошел и до се-годняшнего дня. Никогда не вернулся.

О румынах, чехах, русских

[...] БЫли, і румыны бЫли. Та перед венгру шче перших, бЫли и румыны. Коли до.. допали с'а, ткос' шчос' провинив с'а, тай тепер' ишче говор'ат, шчо «дати.. по задници двац'ц'ат' п'йат' румын'с'ких». Ко.. тко шчос' провинит с'а шче, давнo звернули чолов'ика, та двац'ц'ат' п'йат' румын'с'ких по задници йак улупили, та сирота, бурше ни с'идав на тту задниц'у, таг били. Та казали тому.. Васил'ови, румынови, шандарови мад'арс'кому: «Ци знайте і вы, – кажу, – румын'с'ких давати?» Бо тод знав і по-рус'кы мало говорити. Та кажу: «Знайте і вы давати румын'с'ких двац'ц'ат' п'йат'?» Вун с'м'ийав с'а: «Ни забыли сте шче?» Йа: «Н'і, – кажу, – бо чуйу, йак л'уде говор'ат, котр'і дустали..» бЫли, па́ру л'удей. Но [...] румыны туй бЫли дес'.. гуд, ват' йак. І зайшли мад'ари. Пак мад'ары выц'с'і.. выгнали чехы. Та чехы туй бЫли годы. Триц'ц'ат' вoс'мого гoда выц'с'і чехы пушли. Дев'ятого факт'ическы так. Лиш уже.. они.. йак ув'ид'или, шчо йим выдступати, лишати, та вже так помалы с'а.. забрали чехы выц'с'і. Рус'к'і.. Но, посл'і войны тто бЫло. Но ни бЫло такой, ни бЫло такой голодовкы, йак тепер'. То такогo.. дорожнича ни бЫло посл'і войны.

[...] Были, и румыны были. Перед венграми еще первыми, были и румыны. Когда.. попались [на чем-то], кто-то в чем-то провинился, то и теперь еще говорят, что «дать.. по заднице двадцать пять румынских». Кто в чем-то провинится еще, раньше повалят человека и двадцать пять румынских по заднице как влупят, и, бедный, больше не садился на эту задницу, так били. И говорили этому.. Василю, румыну, жандарму мадьярскому: «А вы тоже умеете, – я говорю, – *румынских* давать?» Он ведь умел и по-русски немного говорить. И я говорю: «Умеете и вы давать *румынских* двадцать пять?» Он смеялся: «Не забыли вы еще?» Я: «Нет, – говорю, – я ведь слышу, как люди говорят, которые получили..», несколько человек. Но [...] румыны тут были где-то год, или как. И *зашли* мадьяры. Потом мадьяр отсюда выгнали чехи. И чехи тут были несколько лет. В тридцать восьмом году отсюда чехи ушли. [В тридцать] девятом фактически так. Только уже они как увидели, что им отступать, оставлять, то уже так постепенно уходили чехи отсюда. Русские.. Ну, после войны это было. Но не было такого, не было такого голода, как теперь. И такой.. дороговизны не было после войны.

Об истории села

Старé селó, давн'е. Зас'или туйкы пёрвий рас україин'ц'і, рус'к'і, а потóму н'імц'і за.. véли с'уды. То тák мы жили дру́жно с німи. Ни было в нас н'йáкого.. ссору, звады н'йáкойі, вс'о по-дóброму мы жили с німи. И тепёр приход'ат в гóс'ц'і тай.. тák шчо. Вс'о бóдры [sic] б́ыли. Ну, та шчо шче вам казáти. [...] Мáр'йа Терéз'йа завéла. О-ой.. тó вже йá ни впов'ім вам, ск'іл'к'і.. кұл'ко гóду тóму, в́ы хóчете по м'існуй мóв'і аб́ы говоріти с вáми. Тó ни скáжу, кұл'ко, у йáкóму гóду завéли. Дéс'.. Тó шче б́ыло.. Бог знáйе колі, шче б мóйі д'іды хыбá ттó знáли. Шчо колі вні зайшли. [...] Сп'іт К'і.. спут К'ййева. Но вні туйкы йак.. ем'ігранты. Поселили с'а туй, туй лиш одén свур [sic] быв, ни б́ыло домóв [sic]. Н'йáких хатій ни б́ыло, одén звур, там оні.. соб'і розробл'али зéмл'у, і.. поселили с'а туйка. В сел'і. А мó[го]го д'іда.. дру́га фамéл'йа б́ыла тáмки. А туйка нó йак ем'ігранты, знáйте. Пере.. чиніли свóйі фамéл'йі.

О семье

[...] мáма м'існа, і тáто м'існий. Фс'і м'іс'н'і наші туйка. Мáма помéлла, йá лиш с'ім гóду мáла. Но [мамы] с'а залишила. [...] умёр в піз'д'іс'ат дру́гому. [...] Нáz б́ыло вóс'меро д'ітéй, вс'і поу-мерáли. Йá лишила с'а, йá сáма молóтша

Старое село, давнее. Сели здесь первый раз украинцы, русские, а потом немцы.. завели [их] сюда. Мы так дру́жно с ними жили. Не было у нас никакого.. ссоры, свары никакой, всё по-доброму мы жили с ними. И теперь приезжают в гости, и.. Всегда были в хороших отношениях. Ну, что мне еще вам сказать... [...] Мария Терезия завела [т. е. заселила село]. О-ой.. это я уже вам не скажу, сколько лет назад (вы хотите на местном языке чтобы говорили с вами). Этого не скажу, сколько, в каком году завели [т. е. заселили]. Где-то.. Это еще было.. Бог знает когда, еще бы мои деды, может, знали это. Что когда они пришли. [...] Из-под Киева. Но они тут как.. эмигранты. Поселились здесь, здесь только лишь ручей был, не было домов. Никаких хат не было, один ручей, там они.. себе обрабатывали землю, и.. поселились здесь. В селе. А у моего деда.. другая фамилия была там. А здесь ну как эмигранты, знаете. Переделали свои фамилии.

[...] Мама местная, и отец местный. Все местные наши здесь. Мама умерла, когда мне было всего семь лет. Ну [когда я мамы] лишилась. [Отец] умер в шестьдесят втором. [...] Нас было восьмеро детей, все поумирали. Я осталась, я самая млад-

была. Вс'и молод'и померали. Одэн брат умер.. двац'ц'ат' шіс'ц' ро.. го́ду ма́в. Лежа́в на стол'и ме́ртвый, коли́ му.. [...] свáл'ба ма́ла б'гити. Жен'ити с'а хог'ів. Дуствáв на́гле запал'ін'н'á лёхких. Тод'и ни б'гло л'іка́рства тако́го, йак теп'ер'. Так в'ун пом'ер. Сестра́ залишила двана́ц'ц'ат'еро д'іт'ей, ум'елла в три́ц'ц'ат' в'ос'ім. Го́ду. А брат.. по т'урма́х туд'и вд'ен б'в. Давно́ вы.. забра́ли д'іт'ей, котр'и ма́ло шчоз' гра́мотн'и б'гли, т'ыг забра́ли. У т'урму́, то низ'в'існо, і шшкол'ей забра́ли. А дру́гый брат.. л'ісо-ру́б б'в, то́же умер' ско́ро. Йой. То ма́ло взна́йте шчо́с' ц'іка́вого, бо йá така́ заб'гта, у ме́не о́деки до́чка пом'ерла. Шч'е ни́е два м'іс'ац'і, йак йá похорони́ла до́чку. А мин'и так т'áшко, йá.. па́мн'ат' ус'у тер'а́йу. Ни п[у]мн'атáйу ніч.

Curriculum vitae

[...] прац'овáла сначáла йак р'ус'к'и зайшли́, там пра[це]вáла сан'ітарков. На ме́тп'унт'і. А пот'ому-м на л'існич'еств'и прац'овáла, а з л'існич'ества перейшла́-м на поштал'й'она. На поштáр'ку. Прац'овáла-м п'йетна́ц'ц'ит' го́ду. Та пушла́-м на п'енз'ейу, та́г до с'іх.. с'его чáсу йá на п'енз'ейі. [...] Робила́-м убо́ршчиц'ов. Убо́ршчиц'ов у л'існич'еств'и, но, тогд'и ни мо́ж б'гло найт'и роб'оту, та с'ме.. пхáла-м с'а хог' на йак'у роб'оту. Давно́ ни б'гли образо́ван'и так л'у́де, йак теп'еркы, шчо в'ус'ім клáсу к'ончила́-м, та

шая была. Все молодыми поумирали. Один брат умер.. двадцать шесть лет ему было. Лежал на столе мертвый, когда у него [...] должна была быть свадьба. Жениться хотел. Заболел скоротечным воспалением легких. Тогда не было такого лекарства, как сейчас. Так он умер. Сестра оставила двенадцать детей, умерла в тридцать восемь. Лет. А брат.. по тюрьмам там один был. Давно забирали детей, которые так немного грамотные были, тех забирали. В тюрьму, [...], и из школ забирали. А другой брат.. лесоруб был, тоже умер быстро. Ох. Тут мало узнаете чего интересного, потому что я такая без памяти, у меня тут дочка умерла. Еще двух месяцев нет, как я похоронила дочку. А мне так тяжело, я.. всю память теряю. Не помню ничего.

[...] работала сначала, когда русские пришли, там работала санитаркой. В медпункте. А потом я в лесничестве работала, а из лесничества перешла в почтальоны. Почтаркой. Работала пятнадцать лет. И пошла на пенсию, так до сих.. до сего времени я на пенсии. [...] Я работала уборщицей. Уборщицей в лесничестве, ну, тогда нельзя было найти работу, и мы.. я тыкалась хоть на какую работу. Раньше так люди не были такие образованные, как сейчас, что восемь классов я кон-

ход' дэ, лиж дэз' бы была-м робила. Чолов'ика забрали мад'ари на фронт, там погып, встала-м с'а зов'им бес.. н'іколі коп'ійкы ми ни дали за него, шчо погып на фронт'і. Встала-м с'а с тройимá д'іт'мі. Стáрший хлопчик в дэв'яд' году помэр, нó тепэр дон'ка помэрла, шче вдэн сын у мене йе. Та в него п'атеро д'ітэй.

О детстве

[...] Мáма домохоз'айка была. Жили дóбре, дóкы бáт'ка ни вз'али на войну. Пэрва с'в'ітовá война. Бáт'ко бýv с'ім.. шіс'ц' году. Йá шче.. Лішив н'а в чéрев'і, у живот'і, й не знáв, шчо.. А пришóв, ужé сémый р'ік ми было. А пришóв, вернóв с'а из войны, в Російі, в Тóмску бýv. Австр'ійаком бýv, нó у австр'ійскуй árмийі. [*Реплика со стороны, мужской голос*: Мы были пуд австр'ійцами.] Пуд австр'ійцами тогды. А пришóв домóу... Но йáг давнó, п'ішкóм ішли с Т'áчева. П'ішкóм. Та кáжут нам л'уде – ид'іт.. е, прив'іс.. бáт'ко мáв сестру в Тернóв'і, [вйтты] вна выйшла зáмуж за тернóв'кого хлопц'а. Ну ўн йак пришóв.. іс войны, та там до нэйі повернóв оддыхнóти. Шóв п'ішкóм. А д'ад'а мáв кóн'і, нó та наклáли му продóкту вйтты, бо знáли, шчо в нáс.. б'ідá, голодóвка была, нáз было сémе-ро д'ітэй. Голодóвка, мы б'ідовáли.

чила и хоть где, лишь бы работать. Мужа забрали мадьяры на фронт, там погиб, осталась я совсем без.. никогда ни копейки мне не дали за него, что погиб на фронте. Осталась я с тремя детьми. Старший мальчик в девять лет помер, ну теперь дочка померла, еще оин сын у меня есть. И у него пятеро детей.

[...] Мама была домохозяйкой. Жили хорошо, пока папу не взяли на войну. Первая мировая война. Папа был семь.. шесть лет. Я еще.. Оставил меня в животе, и не знал, что.. А пришел, уже седьмой год мне было. А пришел, вернулся с войны, в России, в Томске был. Он австрияком был, ну в австрийской армии. [*Реплика со стороны, мужской голос*: Мы были под австрийцами.] Под австрийцами тогда. А пришел домой.. Ну как раньше, пешком шли из Тячева. Пешком. И говорят нам люди – идите, привез.. у папы была сестра в Тернове, оттуда, она вышла замуж за терновского парня. Ну он когда пришел.. с войны, то туда к ней зашел отдохнуть. Шел пешком. А у дяди были кони, ну и ему наклали оттуда продуктов, потому что знали, что у нас.. беда, голодовка была, нас было семеро детей. Голодовка, мы бедовали. Ну и тетка

Нó а т'ітка вже знáла, шчо.. йáк мы жыйеме, наклáли пóвн'і бисáгы. Їдý. Та прин'іс.. Д'áд'а нам ттó прин'іс, а бáт'ко встáв с'а, селóм п'ішкóм ішóв. Нó там родн'á, кумы, вс'ó. Приб'ігла йá.. Нáс ус'іх сéмеро, н'é, сéмый ужé умér був, шéстеро нáс. Приб'ігла встр'ічáти бáт'ка. Кáже – «Нó, кúме, – вдén чолов'ік. – Нó тепér кúме...» А мнóго д'ітéй, іс вс'іх сус'іт собрáли с'а з нáми стр'ічáти бáт'ка. – «Нó тепér, – кáже, – кúме, упóзнай свóйиг д'ітéй». – Та менé ни в'ід'ів, бо шчé в живот'і н'а лішив. Подівив с'а по вс'іх, – «Нó іссé мóйа», – кáже. <Признал?> Признáв, узнáв по.. по óбразу, шчо ссé, кáже, мóйа д'ігíна. Хот' н'а ни в'ід'ів ишче дóты. Бо вún пушóв на вóйну.. веснóй, а йа ув óсени рóжена. [...] Д'іти.. ужé хлóпц'і бýли, йá сáма мéн'ша бýла. Наймолóтша. Ї мáма знóв заберéмен'н'іла, йак пришóв, мáма рóдила, а дóхтур' йакýз' був п'йан'ýга та пор'ізав у н'ўй і д'ітíну, дустáла [брóнт], через дв'і нед'іл'і умérла мáма. Пóс'л'е рóдудув. А пак отéц' оженів с'а, мý жили з мáчохов, б'ідóвали. Мáчоха.. <А что было с мачехой?> Нó, тай мáмина бýла р'ідна сестрá. А онá мáла свóго *уднóго сýна, та внá вс'ó свóму сýну пхáла, а нáм дáже.. істи ни давáла. Шчó наваріт, напечé, та свóму сýнови несé. А йá бýла мáй малá, и внá т'ітка нам бýла, вс'ó.. внá дýже хот'іла, абы мý йі мáмов клікали. Та фс'і тты стáрші та ни каза-

уже знала, что.. как мы живем, наклали полные *бесаги* [переметные сумки]. Еды. И принёс.. Дядя нам это принёс, а батько остался, селом шёл пешком. Ну там родня, кумы, всё. Прибежала я.. Нас всех семеро, нет, седьмой уже умер к тому времени, шестеро нас. Прибежала встречать папу. Говорит – «Ну, кум, – один человек. – Ну теперь, кум...» А много детей, от всех соседей собрались с нами встречать папу. «Ну теперь, – говорит, – кум, узнай своих детей». А он меня не видел, потому что еще в животе меня оставил. Посмотрел на всех – «Ну вот это моя», – говорит. <Признал?> Признал, узнал по.. по образу, что это, говорит, мой ребенок. Хотя меня не видел еще до тех пор. Он ведь пошел на войну.. весной, а я осенью родилась. [...] Дети, уже парни были, я самая маленькая была. Самая младшая. И мама опять забеременела, когда он пришел, мама родила, а доктор какой-то был пьянчуга и порезал в ней ребенка, она заболела [...], через две недели умерла мама. После родов. А потом отец женился, мы жили с мачехой, бедовали. Мачеха.. <А что было с мачехой?> Ну, она была мамина родная сестра. А у нее был свой один сын, и она всё своему сыну пихала, а нам даже.. есть не давала. Что наварит, напечет, своему сыну несет. А я была самая маленькая, и она нам была тетка, всё.. она очень хотела, чтобы мы ее мамой называли. А все эти старшие

ли йі н'е «т'ітко», н'е «мамо», лиш «вбі». Нó, а йа клікала йі т'ітков. Но, – Онá тэта, йа вам вуйко, ни тáто. – Н'é, вбі, – кáжу, – наш н'án'о, а онá тэта. – Йа тák.. выдрубовала [фс'é]. А бýла ма́й молодá. Та.. Но бывáло в́ызве, склáде нáс ус'іх, стáршого, тай дрúгого, трéтого, шéстого – та б'йé нас. Шчо чогó йейі «мамо» ни клічеме. – Н'і, – кáжу. – Мóйа ма́ма тёмна у могíл'і лежít, на цýнтар'і, – кáжу. – Йá йуй ни впов'ім «мамо» н'ігда. – Í тák.. йá ни моглá, дрúг'і ни казáли н'ітко йуй, крóm'і ужé йак с'а хлóпц'і поженіли, тогды́ нев'істкы́ казáли йуй «мамо». А мý н'ітко из.. д'ітэй. Та мý вже вс'і розум'іли, шчо тто́ ни ма́ма. Шчо мý на н'у навы́кли, шчо вна тэта. А злá бýла, злá. Таѓ бывáло проклінáла нáс.. Бóже бороні. Та йак умерла – сéз' дóm ус'ый́ був нáш. Та вна́ мáла свóйі внúкы, та.. á, йак рýс'к'і зайшли́, тогды́ мóж б́ло спершú учиніти и тко́ шчо хót'ів. Онí вс'ый́ дóm хót'іли сéз' забрáти. [...] А потóму туйкы мин'і дав сес'у́ полові́ну муй́ бра́д, бо д'ітэй ни б́ло у нíх, а "у́н погáв був при Лен'інови у т'урму́ бра́г тогды́, котр'і л'уде б́ли мáло шчоз' гра́мотн'і, та бы.. у нáс вывозы́ли в т'урму́. Та бра́т сид'ів у т'урм'і годы́. Пак пришóв іс т'урмы́, шче дэв'яд' гóду прожів пóсл'і т'урмы́. Забол'ів, пришóв ужé хвóрый́ такый́, лиж дóма с'а.. кохáв та прожів мáло. [...] Нó, а йá ни мóжу в свóйуй хáт'і жítи. С'у́ мин'і

не говорили ей ни «тетка», ни «мама», а только «вы». Ну а я называла ее теткой. Ну, – «[Если] она тетка, я вам дядя, не папа». – «Нет, вы, – говорю, – наш папа, а она тетя». Я так.. отрубала всё время. А была самая младшая. И.. Ну бывало вызовет, сложит нас всех, старшего, и второго, третьего, шестого – и бьет нас. Что почему мы ее «мама» не зовем. «Нет, – говорю. – Моя мама темная в могиле лежит, на кладбище, – говорю. – Я ей не скажу “мамо” никогда». И так.. я не могла, другие не говорили никто ей, кроме уже когда парни поженились, тогда невестки говорили ей «мама». А мы никто из детей. Мы уже все понимали, что это не мама. Что мы к ней привыкли, что она тетя. А злая была, злая. Так бывало проклинала нас.. Боже сохрани. А когда умерла – этот дом весь был наш. А у нее были свои внуки, и.. а, когда русские пришли, тогда можно было сначала сделать и кто что хотел. Они весь дом хотели этот забрать. [...] А потом тут мне дал эту половину мой брат, потому что детей не было у них, а он попал при Ленине в тюрьму, брат, тогда, которые люди были немногие грамотные, то у нас вывозили в тюрьму. И брат сидел в тюрьме годы. Потом пришел из тюрьмы, еще девять лет прожил после тюрьмы. Заболел, пришел уже больной такой, но дома за ним ухаживали, и прожил [еще] немного. [...] Ну а я не могу в своей хате жить.

бра́д да́в, бо ўн д'ітэй ні ма́в, і все́ гово-
рив, сёс', пок'ійный, шчо в т'урм'і бы́в,
шчо вўн лиш коло ме́не хо́че померáти,
но́ пак та́к і бы́ло. Возы́ла-м го по
бо́л'ниц'ах, ус'ўгды. У Т'áчев'і у бо́л'-
ниці умёр, привёзла-м до до́му, похоро-
ны́ла го.

Ещё о мачехе

Та ка́жу, вс'ый в'ік-им б'ідова́ла,
вс'ый свўй в'ік. Ма́ма умёлла, с'ім го-
ду-м не ма́ла шче́. Н'ан'о вжені́в с'а,
б'ідова́ли с'ме з ма́чихов. Застáвл'ат
– клічте йі ма́мов, – ма́ма мо́я на
ц'ы́нтар'і. Но йá вже т'áмила, то та́к
май велі́чка-м бы́ла, йак Ва́с'а [внук
А. М.]. Та йду́ на цы́нтар', та́к хрестом
с'іпа́ю, – ма́мко, кажі́т ми шчо́с', ма́м-
ко, оголо́с'іт ми с'а. А му́й кр'осный
ішо́в гна́в коро́вы туды́, та в'ід'ів, та
вѣтты н'а вѣз'ме на ру́кы та принесе́
дому́. Ка́же – ку́ме! [в]áша д'іты́на та́м
пострада́йе де́с', вы чо́го ни дѣвите с'а
за д'іты́нов? – Тко́ за мно́в диві́в с'а,
мáчос'і мы́ потр'і́бн'і бы́ли? А́ потóму
бы́ло та́к шчо і́сти на́м ни дава́ла, [...]
йáг д'іти хо́т'ат йі.. мно́го ра́с йі́сти, не
лиш трира́с у де́н'. А вна́ зварі́т ма́ло
ра́но, а потóму ка́же.. но́, спечé, напечé
колачу́, нагото́вид до́брого та сы́ну соб'і
несé. А йá варгў́ю, де́ уна спр'áче тто́,
колі напечé колачу́. Та спр'áче, бывáло,
в бербені́ц'у, в бо́чку, у муку́ спр'áче.
Абы́.. абім.. абі́с'ме мы ни в'ід'іли,

Эту мне брат дал, потому что у него де-
тей не было, и он всё говорил, этот, по-
койный, который в тюрьме был, что он
только при мне хочет умирать, ну так и
случилось. Возила я его по больницам,
всюду. В Тячеве в больнице умер, при-
везла я его домой, похоронила его.

И говорю, всю жизнь я бедовала,
всю свою жизнь. Мама умерла, мне еще
семи лет не было. Папа женился, мы бе-
довали с мачехой. Заставляет – зовите ее
мамой. «Мама моя на кладбище». Ну я
уже понимала, я так чуть больше была,
чем Вася [внук А. М.] И иду на кладби-
ще, так накрест сыплю, – «Мамочка,
скажите мне что-нибудь, мамочка, от-
кликнитесь мне». А мой крестный шел,
гнал коровы туда, и видел, и оттуда меня
возьмет на руки и принесет домой. Го-
ворит: «Кум! ваш ребенок там пострада-
ет где-нибудь, вы чего не смотрите за
ребенком?» Кто за мной смотрел, мачехе
мы нужны [разве] были? А потом было
так, что есть нам не давала, [...] как дети
хотят много раз есть, не только три раза
в день. А она сварит немножко утром, а
потом говорит.. ну, испечет, напечет пи-
рожков, наготовит хорошего и сыну сво-
ему несет. А я слежу, где она спрячет
это, когда напечет пирожков. И спрячет,
бывало, в кадушку, в бочку, в муку спря-
чет. Чтобы.. чтобы я.. чтобы мы не виде-

абіс'ме ни поїли, абы с'їну соб'ї по-
нєсла. А йа так хожу д'окы ни в'їнайду
т'т'о. Тот'ї друг'ї стар'їши ни так ход'їли,
бо бой'али с'а м'їй. А йа в'їхожу, йак
в'їнайду [...] та зак'їччу вс'їх – «П'от'те
й'їсти». Та пак л'їшиме дв'а-тр'ї колач'ї
с'їнови йейї. А їнч'ї, друг'ї поїмє. Вн'а
п'аде у к'ол'їнкы, та так нам л'їе, про-
клина'їе н'ас, б'ыв'ало. О'споди, ї ни м'ожу
с'а нагад'ати, йак проклина'ла. «[о]б'їсте
щ'ас'ц'а н'їгд не м'али, тогд'ї б'їсте
с'а, – к'аже, – приб'рали¹⁶, кол'ї.. к'ам'їн'
у м'ори трав'ов поростє, ваг' на дол'они
трав'а в'їросте», – н'їгда-м ни ч'їла, то
н'їгда ни м'ожу й'їй заб'їти. Тот'ї лай-
к'ї. Та.. к'аже отєц' – «Ан'о, ч'ог'о й'ї м'а-
мов ни кл'їчете?» – «М'ама н'аша т'ам».
– «А ч'ог'о й'ї ни л'їб'їте?» – «Он'а н'ас
ни л'їб'їт, – к'ажу. – Он'а вс'о спечє, на-
вар'їт, та Й'овж'їюви, Й'осифови, понє-
се. А н'ам ни даїє й'їсти». Тогд'ї т'т'о до
б'ат'ка дуйш'ло, щ'ч'о.. он'а н'ам й'їсти не
даїє. Ну їн в'їступив на н'ї, – «Т'ї, –
к'аже, – д'їти м'ойї б'їли за ш'їз'з' г'оду
гол'одн'ї, д'ок йа на фр'он'т'ї б'їв, а те-
п'єр навар'ї, щ'ч'о навар'їш, р'ано навар'ї,
абы к'їл'ко хот'їли, т'їл'ко соб'ї б'рали
та й'їли». Н'о в'же пот'ому вн'а м'їс'їла
т'т'о роб'їти, навар'їти, щ'ч'о в'же навар'їт,
хот' й'ак'ойї бурд'ї, а с'їну соб'ї д'обро-
го! Т'а в'же пак пр'їїде б'ат'ко з роб'оты,
тогд'ї в суб'оту, всє на ц'їл'їй т'їжжєн'
їш'ов на роб'оту. А вн'а – «Ни сл'їхайут
н'а д'їти, та с'ак'ї д'їти, та так'ї д'їти,

ли, чтобы мы не съели, чтобы сыну сво-
ему отнести. А я так хожу, пока не выи-
щу это. Эти другие, старшие, не так хо-
дили, потому что больше боялись. А я
выхожу, как выйщу [...], то позову всех
– «Идите есть». И так оставим два-три
пирожка сыну ее. А другие съедим. Она
упадет на колени, и так нас ругает, про-
клиняет, бывало. Господи, я и не могу
передать, как проклинала. «Чтобы вам
счастья никогда не было, тогда бы вы, –
говорит, – *прибрались*, когда.. камень в
море травой порастет, или на ладони
травы вырастет», – никогда я не слышала
такого, никогда не могу ее забыть. Эти
проклятия. И.. говорит отец: «А что вы
ее мамой не зовете?» – «Мама наша
там». – «А почему вы ее не любите?» –
«Она нас не любит, – говорю. – Она всє
напечет, наварит, и Йовжию, Иоифу, не-
сет. А нам не дает есть». Тогда это до
бадька дошло, что.. она нам есть не дает.
Ну он на нее напустился: «Ты, – говорит,
– дети мои шесть лет голодали, пока я на
фронте был, а теперь навари, что нава-
ришь, с утра навари, чтобы сколько хо-
тели, столько себе брали и ели». Ну уже
потом она вынуждена была это делать,
наварить, что уже наварит, какой угодно
бурды, а сыну своему хорошего! И уже
потом придет бадько с работы, тогда в
субботу, постоянно на целую неделю
уходил на работу. А она – «Не слушаю-
ся меня дети, да такие дети, да сякие

¹⁶ *Прибрати с'а* 'приодеться'; вероятно, здесь значение шире – 'зажить в достатке'.

та так'і». Та дэс' кой б'ыв.. тверэзый, та брав нас та б'ив, шчо мы ни сл'ухайеме йейі. А коли п'йанный, – «Заткай пысок! Выд мойих д'ітэй. Дай д'іт'ом покуй уже!» Такá б'іда б'ыла, г'осподи. Та коли-м с'а т'то нагадала, кул'ко н'а св'атали л'уде, ни б'ыло т'ого на с'в'іт'і, абы б'ыла йа вз'ала на св'ойі д'іти вутч'іма.

Несостоявшиеся женихи

[В юности за А. М. посватался один парень.] Но та пушли с'ме туды дивити с'а до него, обзерати. Боже – а т'то так ид гор'і, там куча мален'ка така, таг до.. в хату заходити.. А шчо «вун богач, бо в него земл'і богато». Горы так'і. Та собака така груба коло хыжи, та втак'і мухы по собац'і. Л'ізали, груб'і, л'ачн'і. Йа подивила с'а на мачоху та на.. баг'ка. «Йой, – кажу, – йа туй ни хочу быти. Н'і за шчо! Сс'у собаку убзериати выд мух», – ка.. Йа ни так казала, йа кажу – «Таку вушливу собаку убзериати – туй коло чо'го жити». А ун согласив с'а ити с'уды жити. А йего сестра дуже хот'іла, абы вун с'уды ишов.. абим йа туды йшла жити, абы мойа земл'а, уже шчо мин'і баг'ко мав дати час'ц', – абы йуй тот'о с'а устало. Не вы.. зробиш ты так'е д'іло, бо ни хочу йа. А потому оженив с'а вун там, та пришов уже женатый с'уды, та такым, сирота, б'ідохом пришов, шчо.. Кажу: «Пёт'а, Пёт'а, де твойе.. лег'інство, та ты такый быв

дети, да сские». И иногда когда был.. трезвый, то брал нас и бил, за то что мы ее не слушаемся. А когда пьяный – «Заткнись! На моих детей. Оставь детей в покое уже!» Такая беда была, господи. И когда я это вспомнила, то сколько меня сватали люди, не было того на свете, чтобы я взяла на своих детей отчима.

[В юности за А. М. посватался один парень.] Ну и пошли мы туда смотреть к нему, осматривать. Боже – а это так наверху, там халупа маленькая такая, так.. в хату заходить. А «он богач, потому что у него много земли». Горы такие. И собака такая большая около хаты, и вот такие мухи по собаке. Ползали, большие, страшные. Я посмотрела на мачеху и на отца. «Ой, – говорю, – я здесь не хочу быть. Ни за что! Эту собаку доглядывать от мух», – говорю.. Я не так сказала, я говорю: «Такую шшивую собаку доглядывать – здесь с чем жить». А он согласился перейти сюда жить. А его сестра очень хотела, чтобы он сюда перешел.. чтобы я туда перешла жить, чтобы моя земля, уже которую мне отец должен был дать в приданое, – чтобы ей это осталось. Не сделаешь ты такое дело, потому что не хочу я. А потом женился он там, и приехал уже женатый сюда, и таким, бедняга, бедолагой пришел, что.. Говорю: «Петя, Петя, где твое.. молоде-

герой! А тепэр ты так с'а... – а йá вже была то́же в'удова́, í в йего́ жінка померла. – Ой, йакый ты, – ка́жу, – б'идола́х, чо́го-с' с'а та́к опу́стив?» – «Та йá ни мо́жу май íнаг б'ыти, но́». – «[Йди] в Бо́жий ча́с, – кажу. – Ни хо́чу йá, ни выд-дайу́ с'а в дру́гый ра́с».

И мене́ свáтав одéн.. в'ётвра́ч. Та зза д'итэй-ím го вы́гнала с ха́ты. Пушла́ йа, тто́ у на́с йак на Ми́тр'а, ву́ц'í [йше́] на зи́му заберáют выд вуча́р'у до до́му. У мене́ было́ ву́с'ím ове́ц', та йá пушла́ ву́с'ím ву́ц'í вы́берáти, йá го ли́шила-м до́ма. Коро́ва в н'а бы́ла, ма́сло, хл'íp. Тогды́ пёрвый ра́с йави́в с'а по́с'л'í войны́ тто́ бы́ло, со́рок се́мый р'ík. Та мин'í.. да́в, [...] то лиш кускáми та́г д'íлили хл'íба. Одéн продаве́ц' мене́ д'уже жал'ív. Та да́в мин'í ц'íлу́ бухáнку, кра́т'кы у м'íх, зави́в, – «На́те, – ка́же, Миха́йл'ívна, нес'ít соб'í до до́му, ссе́ д'ít'ом». Зна́в, шчо́ йá н'í вы́ткы ни́ч ни ма́йу. Та йá [...]не́сла то́т хл'íp, ко́фе нароб'ила, з мо́локом, ма́сло покля́ла, (г)во́р'у: «Ту́й йе́ íда, д'íти вста́нут, та да́й íм íсти», мал'í бы́ли, Íра пок'íйна í М'íша. А йá прійду́ дому́ – а то́ вже дэ́с' п'íс'л'а об'íда йá до до́му пришла́, – а д'íти реву́т. – «Шчо́ вы реве...?» – «Д'а́д'а йiв, на́м íсти ни да́в». – «Йóй, б'íда бы т'а по́била, та ты мо́го кускá хл'íба мо́йим д'ít'ом ни да́в?» Уз'áла-м за ши́ворот та вон. Íс ха́ты. «Íд'í, йа т'а ни хо́чу зна́ти». Í так йа з ним рози́шла с'а навхте́ма. [...] Факт'íчес'ко ше́ лиш

чество, ты ведь такой был герой! А теперь ты так – а я уже тоже была вдова, и у него жена умерла. «Ой, какой ты, – говорю, – бедолага, чего ты так опустился?» – «Да я не могу иначе, ну». – «Бог с тобой, – говорю. – Не хочу я, не иду за муж во второй раз».

И меня сватал один.. ветврач. А из-за детей я его выгнала из дома. Пошла я, это у нас как на Дмитриев день, овец на зиму забирают от овчаров домой. У меня было восемь овец, и я пошла забирать восемь овец, я его оставила дома. Корова у меня была, масло, хлеб. Тогда первый раз явился, после войны это было, сорок седьмой год. И мне.. дал, [...] а это только кусками так делили хлеб. Один продавец меня очень жалел. И дал мне целую буханку, украдкой в мешок, завернул, – «Нате, – говорит, – Михайловна, несите себе домой, это детям». Знал, что у меня ниоткуда ничего нет. И я (при)несла этот хлеб, кофе сделала, с молоком, масло положила, говорю: «Здесь еда, дети встанут, дай им поесть», маленькие были, Ира покойная и Миша. А я прихожу домой – а это уже где-то после обеда я домой пришла, – а дети плачут. «Что вы плачете?» – «Дядя ел, нам поесть не дал». – «Ой, беда бы тебя побила, да ты моего куска хлеба моим детям не дал?» Взяла за шиворот и вон. Из дома. «Иди, я тебя не хочу знать». И так я с ним разошлась навсегда. Фактически он меня еще сва-

так ун сватав н'а. Йа прогнала, «Їді, – кажу, – на б'іды, йа своій д'іти бим угро- бл'ала зза йакогос'.. в'єтвраща. Чорт ми до тебе», – кажу. А вун ишчє й тепєр, уженів с'а дєс' у.. на Мукачевщин'і. Та приходит, та шчє й тепєркы, дез' два годы тому, йак б'ыв. Цї вже, спрашуйє, ци йа вже розумна, ци йа бим стала з ним жити. «Їді на б'іды, – кажу, – куды вже. Йа бим тепєр у вус'імдис'ат году выддавала с'а». Такый б'ыв.. файный б'ыв чолов'ік, лиш уже так с'а опу'стив на стар'і дны, прѳосто ци залишит с'а л'удїна, шчѳо така.. н'йака, н'ї к чѳому. Нѳ, шчѳо шчє вам приказовати..

После смерти дочери

Йой, бѳже. А тепєр.. [...] вус'імдис'ат одєн гут. Нѳ йа таг б'ыла утратила.. И тепєр йа вже розум'йу с'а, шчѳо йа.. ни говор'у так за шѳором, йаг бы трѳеба говор'ити. Шчѳо вже плу'тайу. Але шчѳє.. Каже ми туй одєн.. м'іл'іц'онєр пришѳв. «Н'ї», – каже.. Туй, на вулицы н'а в'ыц'ілив, много л'удєй б'ыло на вулицы, вун пришѳв. Поц'іл'овав н'а прѳосто у рѳт, у лицє, каже – «Анна Михайл'івна, йа так ваз жал'ю! Йак вы з Іринов дѳуже дѳобре дв'ї ж'или», – вун чѳасто приходів, но внѳ в паспѳортному стол'ї роб'ила. Та приход'или до нєйї. «А йак вам т'ашко», – каже, тому чолов'ікови слызы потекл'ї з очєй. Ё. Гѳстила-м го кавѳв. Каже – «Знайте шчѳѳ. За впо-

тал. Я прогнала, «Иди, – говорю, *на беды*, чтобы я своих детей *угробляла* из-за какого-то.. ветврача. *Черт мне до тебя*», – говорю. А он еще и теперь, женился где-то.. на Мукачевщине. И приходит, и еще и сейчас, где-то два года, как был. Не поумнела ли я, спрашивает, не стала ли бы я с ним жить. «*Иди на беды*, – говорю, – куда уже. Я бы теперь в восемьдесят лет выходила замуж». Такой был.. красивый был человек, но уже так опустился в старости, просто останется ли человек, что такой.. никакой, ни к чему. Ну, что еще вам рассказать..

Ой, бѳже. А тепєр.. [...] восемьдесят один год. Но я так потеряла.. И теперь я уже понимаю, что я.. не говорю так подряд, как надо бы было говорить. Чѳо уже путаюсь. Но еще.. говорит мне тут один.. милиционер пришел. «Нет», – говорит. Тут, на улице меня *выцелил*, много людей было на улице, он пришел. Поцеловал меня прямо в рот, в щеку, говорит: «Анна Михайловна, я так вас жалею! Как вы с Ириной хорошо вдвоем жили», – он часто приходил, ну она работала в паспортном столе. И приходили к ней. «А как вам тяжело», – говорит, и у этого человека потекли слезы из глаз. Вот. Я предложила ему кофе. Говорит: «Знаете что. За упокой

кóй Їríны вьп'йеме», – кáже. – «Йá ни мáйу, – кáжу, – Михáйло Йúрович, у мéне кáпкы нийé в хýжи вóткы». – «У мéне йé за ттó, за впокóй Їríны». Нó, мýс'íла-м з нím вьпити. Стó грáм. Кáжу йа, кýл'ко л'удéй за нív, жíнкý прихóд'ат, так'í, шчо йí знáли, тáг жал'йут, та менé жал'йут, шчо йá с'а встáла. – Йóй, – кáжу. – Йáк т'áшко. Бaг'кáм у грýб дивíти с'а свóйуй д'í-тíн'í. То Бóже упасí.

Знали свою смерть

Бáба мáмина, мáмы, умéрла на Пáску, пéрвый дéн'. Рáно пушли с'ме вс'í до цéркви с пáскáми. Тáй пушли с'ме до нéйí, пáк попойíли рáно та пушли с'ме до нéйí, бо знáли с'ме, что внá дýже т'áшко хвóра. А бáг'ко в цéркви тáй брáт'а сп'íváли вже, д'áковáли в цéркви. А внá кáже – «Пúйдете на вечúрн'у, бíсте пришлí з вечúрн'í скóро с'уды. Бо йá, йаг бде сóнце заходíти, йá бдú умерáти». Тáк. Та тáг говорíла, нó, н'án'о пушóв, бáг'ко, тáй брáт'а до цéркви, та вс'í с'ме пушли, вытслу-жíли вечúрн'у. «Ни йдемé домú, йдемé рáз до нéйí». Пришли с'ме. Í кáже – «Он бер'ít молíтву», – ттó на схóд душí. Но за отпушчéнийе гр'íхóв, йé такá молíтва. Уз'áv брáт. Читáйе, тáй онá за нím пувтор'áйе. Докóнчила ттú молíтву, шчé перекрестíла с'а í тáк помéрла. Вúс'íмдис'ат трí гóды мáла.

Ирины выпьем», – говорит. – «У меня нету, – говорю, – Михаил Юрьевич, у меня капли нет в доме водки». – «У меня зато есть, за упокой Ирины». Ну, я должна была с ним выпить. Сто грамм. Я говорю, сколько людей о ней [жалуют], женщины приходят, такие, что ее знали, так жалеют, и меня жалеют, что я осталась. «Ой, – говорю. – Как тяжело. Родителям смотреть в могилу своего ребенка». Это Боже упаси.

Бабушка мамина, [со стороны] мамы, умерла на Пасху, в первый день. Утром мы пошли все в церковь с куличами. И мы пошли к ней, так поели утром и пошли к ней, потому что мы знали, что она очень тяжело больна. А батько в церкви и брат пели уже, *дяковали* в церкви. А она говорит: «Пойдете на вечерню, приходите с вечерни быстро сюда. Потому что я, как солнце будет заходить, я буду умирать». Так. И так говорила, ну, папа пошел, батько, и братья в церковь, и все мы пошли, отслужили вечерню. «Не идем домой, идем сейчас к ней». Пришли мы. И говорит: «Вон берите молитву», – это на исход души. Ну за отпущение грехов, есть такая молитва. Взял брат. Читает, и она за ним повторяет. Дочитала эту молитву, еще перекрестилась и так умерла. Восемьдесят три года ей было.

Старá б́ыла. Та́к помéлла, она́ зна́ла сво́ю смéрт'.

Та та́к и сестра́ мо́йа, в три́ц'ц'ит' вус'им го́ду. Двана́ц'ц'атеро д'ітє́й уста́ло с'а в нє́йі. Вна́ б́ыла двана́ц'ц'атов д'іті́нов берéмenna, ка́же – «А́нно, небо́ре, йа́ бду́ умерáти, йа́ сс'у́ д'іті́ну ни врóжу. Йа́ умру́». Но шчо́ тогд́ы, акушэ́рки в на́с у сел'і́ ни б́ыло, бо б́ыла вдна́ н'імка, акушэ́рка, д́уже до́бра, та у тту́ х́ыжу то́йі н'імкы с'ів одéн на́ш чолов'і́к ж́ити. Та йа́ вс'о́ в́ыробила, аб́ы с'а тта́ вста́ла, акушэ́рка. І́ то́т чолов'і́к ни хóт'ів, мус'і́ли йі́ в́ывести в Си́б'ір, тоту́ н'імкы. «Нó», – ка́жу.. а вдна́ на́ша ба́ба така́ б́ыла, шчо́ йшла́ рóды принимáти. Тотó вже б́ыв со́рок сэ́мый гут, уже да́же в на́с роддо́м б́ыв у Уш-Чо́рнум. Ка́жу: «Мар'і́йко. Аб́ис'т́ы ни рóдила до́ма. Ты́», – ка́жу.. двана́ц'ц'ата д'іті́на. Йа́ сан'іта́рков рóби́ла тогд́ы. «І́ди, – ка́жу, – в бо́л'ниц'у, ни дай Бо́х, – ка́жу, – д'і́ти – йаг б́де она́ рóдити – аб́исте клі́кали Шнайд'у́чку», – бо туй́ і ба́ба така́ б́ыла. А вна́: «Мене́ в бо́л'ниц'у аб́исте ни вéли», – д'і́ти запр'іті́ла і́ чолов'і́ка [зо ні́ми]. Уро́дила до́ма, тта́ ба́ба – в то́йі ру́кы так'і́ пор'іпан'і́, так'і́ б.. гр'áз'н'і́. Рóды пр́йн'ала, лéхко уро́дила. А ли́ж занéсла йа́ку́с' інфэ́кц'і́йу, та́к шчо́.. сепс'із ду́ста́ла сестра́. Гэ́т изгор'і́ла, ув рóт'і́ вс'о́ згор'і́ло. А зима́ така́ б́ыла – то п'йє́ис'ат пэ́рвого го́да, нача́ло, – шчо́ ни мо́ж б́ыло.. н'і́йáк'і́ тра́нспорты ни йшли́.

Старая была. Так умерла, она знала свою смерть.

И так и сестра моя в тридцать восемь лет. Двенадцать детей осталось у нее. Она была двенадцатым ребенком беременна, говорит: «Анна, *неборе*, я буду умирать, я этого ребенка не рожу. Я умру». Ну что тогда, акушерки у нас в селе не было, потому что была одна немка, акушерка, очень хорошая, а в эту хату этой немки поселился один наш мужчина жить. И я всё сделала, чтобы она осталась, акушерка. А тот мужчина не хотел, должны были ее вывезти в Сибирь, эту немку. «Ну», – говорю.. а одна наша старуха такая была, что ходила роды принимать. Это уже был сорок седьмой год, уже даже у нас роддом был в Усть-Черном. Говорю: «Марийко. Ты не роди дома. Ты», – говорю... двенадцатый ребенок. Я санитаркой работала тогда. «Иди, – говорю, – в больницу, не дай Бог, – говорю, – дети, как будет она родить, чтобы вы звали Шнайдючку», – тут ведь и старуха такая была. А она: «Меня в больницу не ведите», – детям запретила и мужу тоже. Родила дома, эта старуха – у нее руки такие потрепавшиеся, такие грязные. Роды приняла, родила легко. Но только занесла какую-то инфекцию, так что.. сепсис случился у сестры. Совсем сгорела, во рту всё сгорело. А зима такая была – это в пятьдесят первом году, в начале, – что нельзя было.. никакой транспорт не шел.

Но шчо́, у мене до́ктор знако́мий б́ыв у Дубово́му, Ц'ітровс'кий. Наш до́ктор був на ќурсах в У́жгород'і, йа́ то́го з Дубово́го вы[звала]. Пушли́ іс ќун'ми за н́им, довезли го о́ндекы до.. н́иже Уш-Чорно́й, до́ктора. Та́м ќун' іздо́х, то с'н'ігы так'і вели́к'і вы́пали бы́ли. Ќун' іздо́х, до́к пришо́в до́ктор, ка́же: «Уже́ вс'о. Пу́зно, – ка́же, – н'ічо́го помочи́ ни мо́ш. Дава́йте йі шче в бо́л'ниц'у у Дубове́». – «Но ч́им? Кой.. н'і́якого тра́нспорта, та ш ч́им?» – ка́жу. І та́к она́ помэ́рла двана́ц'ц'атов д'іти́нов. Вста́в с'а хло́пчик, то́д двана́ц'ц'атый, та д'івочка ста́рша. Бы́ло два хло́пц'і ста́рші, паг д'івочка трина́ц'ц'ад' го́ду ма́ла. Та тта́ сірота д'івочка вс'і тоты́ д'іти.. дозерала, а се́го мало́го попроси́в оден.. мо́йи дво́йродно́й сестры́ дочка́ попроси́ла, в н́иг д'іте́й ни бы́ло. «Да́йте нам Ю́рика та да́йте». Та йа́ ка́жу: «Небо́ре, шчо́, Ци́л'а, д'іти́на з д'іти́нов буде́ чині́ти». А йа́ на робо́ту му́шу йти́, бо й у мене́ д'іти́ тре́ба годова́ти. [...] н'і пэ́н'зі́йи на д'іти́ йа́ ни дустава́ла. Та ка́жу: «Тре́ба д'іти́ мин'і годова́ти». – «Та д.. да́йте», – но та паг да́ли то́го хло́пчика. Но ру́з до́бре.

Однажды в Сочельник

[...] подоро́жного в до́м прійн'ати, накро́мити. Все́. Зна́йте, в на́с перехо́дили, уже́ йак ру́с'к'і зайшли́, та солда́ты. Час'ц'і з Мука́чева, з У́жгорода, із

Ну что, у меня доктор знакомый был в Дубовом, Цитровский. Наш доктор был на курсах в Ужгороде, я того из Дубового вызвала. Поехали на лошадях за ним, довезли его тут до.. ниже Усть-Черной, доктора. Там лошадь издохла, это снег такой большой выпал. Лошадь сдохла, пока доктор добрался, говорит: «Уже всё. Поздно, – говорит, – ничем помочь нельзя. Давайте ее еще в больницу в Дубовое». – «Но на чем? Когда.. никакого транспорта, на чем же?» – говорю. И так она умерла [родами] двенадцатого ребенка. Остался мальчик, тот двенадцатый, и девочка старшая. Было два мальчика старших, потом девочка, ей было тринадцать лет. И эта бедная девочка за всеми этими детьми смотрела, а этого маленького попросил один.. моей двоюродной сестры дочка попросила, у них детей не было. «Дайте нам Юрика да дайте». А я говорю: «Неборе, что, Циля, ребенок с ребенком будет делать?» А мне на работу надо выходить, потому что у меня детей надо кормить. [...] ни пенсии на детей я не получала. И говорю: «Мне надо кормить детей». – «Да дайте», – ну и дали этого мальчика. Но рос хорошо.

[...] путника в дом принять, накормить. Всегда. Знаете, у нас переходили, уже когда русские *зашли*, солдаты. Части из Мукачева, из Ужгорода, из Ху-

Хўста. Та йшли туй л'із бра́ли вьц'с'і. Та вдэн С'атый вѣчур б́ыв такый – дошч! с с'н'ігом! А они з Уш-Чорного п'ішкóм ішли. Та дуйшли аж дóс'і, в кáжжу хату повергáли, тó на С'атый вѣчур б́ыло. В кáжжу хату повертáли, просі́ли с'а нá нуч. Н'іткó йіх ни прійн'ав. Пришли с'уды́, сіроты. Зайшли́, та «хот' туй..» ішчé ни б́ыло кор'ідóра, лиш такый кор'ідóрчик, малый б́ыв. «Прим'іт нас хот' туй до рáно пересід'іти, мы пруйшли́ вс'ó селó, н'іткó нас нá нуч ни прінимáйе». Нó, та туй йіх чоты́ри б́ыли. Двá уф'іцеры тай двá солдáты. Вдэн Крáвченко б́ыв іс.. Кійева, а двá – Попрійкин, майóр Попрійкин та Ісáйев л'іт'енáнт [...] Йáкóс'-им йіг запамн'átала, то вні писáли мин'і, прáвда. Нó, та тоты́.. «Та пót'те, хлопц'і, до хыш». Мокр'і так'і! Йá вáтру затопі́ла, розв'ішала-м ім куды моглá йіх.. р'án'д'а, та.. теплó в хáт'і учині́ла. Ба шчó, у нас на С'атый вѣчур пус'н'і йіды́ ід'áт. Йá шчóс' пуснэ́ наварі́ла, і ни б́ыло он' тák шчó варі́ти тогды́. «Нó, – йа кáжу, – с'ідáйте, хлопц'і, та бдетé йісти. Шчó йé, чім богáта, тым рáда. Мáло покушáйте», – бо тогды́ ни б́ыло н'і ресторáнув, н'ічóг. А тóт Крáвченко б́ідный, йáг бим го ны́н'і в'ід'іла. Пушóв туй за хату, та тák áш у гóлоз заплакав: «Кобы́ мóйа мáмка в'ід'іла, йáк йá, – кáже, – пруйшóв прóс'ачи с'а с хáты в хату. Голóден такый». Ужé пак роскáзуйе, туй йак попойі́ли мáло – но

ста. И шли здесь лес брали отсюда. И один Сочельник был такой – дождь! со снегом! А они из Усть-Черного пешком шли. И дошли аж досюда, в каждую хату заходили, это в Сочельник было. В каждую хату заходили, просились переночевать. Никто их не принял. Пришли сюда, бедные. Зашли, и «хоть здесь..» еще не было коридора, только такой коридорчик маленький был. «Пустите нас хоть здесь до утра пересидеть, мы прошли всё село, никто нас на ночь не принимает». Ну и здесь их четверо было. Два офицера и два солдата. Один Кравченко был из.. Киева, а два – Попрыкин, майор Попрыкин и Исаев, лейтенант. Как-то я их запомнила, но они и писали мне, правда. Ну, и эти.. «Да заходите, хлопцы, в дом». Мокрые такие! Я огонь развела, развеси́ла им, где могла, их.. одежду, и.. тепло в хате устроила. Да что, у нас в Сочельник постую́ еду едят. Я что-то постное навари́ла, и не было особенно так что варить тогда. «Ну, – я говорю, – садитесь, хлопцы, будете есть. Что есть, чем богата, тем рада. Немного поедите», – тогда ведь не было ни ресторанов, ничего. А тот Кравченко бедный, как сейчас его вижу. Пошел здесь за хату, и так аж в голос заплакал: «Если бы моя мама видела, как я, – говорит, прошел, просясь, из хаты в хату. Голодный такой». Уже потом рассказывает, тут как поели немного – ну что у

шчó йа мáла, правáда, гóлуцп'і-м наваріла бýла і так'і, ужé і пус'н'і на С'атый вéчур [на́м, і] із мн'асом на с'ата абы бýло. А йá йім дáла попойісти, шчé в н'а вóткы бýло у четвэртýс'ц'і мáло. Та ттó ім россы́пала, а шчé вдéн тўй кóн'ухом робів на л'існїчеств'і, сáм із Нарéсниц'і. Шче й тóго-м заклїкала на вéчэр'у, бо жонá му ни пришлá.. бýла з вéчэр'ов с'уды, шчóс' ци й автóбуса ни бýло, ци шчó, та заклїкала-м і тóго тўй йїсти. Та та вс'і.. загнўли с'а вс'і п'йáг' мушчїн дóвкола столá, та вс'ім слызы потеклї з очéй. А в мéне шчé до тóго із Лопухóва д'івчина тўй корóвы дойїла в колгоз'і. На фéрм'і робїла. Тай ттў-м заклїкала, но йá не нáд'йяла с'а сїх солдáту, шчо тўй прїйде ткóс'. Йáкóс'-им їх ус'їх пом'їстила, по.. погóдовáла, шчó бýло, ттó-м дáла, та. Нó тоты.. колї.. тó вже пруйшлó бýли гóды, колї Їрїна, дóчка пок'їйна, мáла виходїти взáмуш, сáм тóт оф'їц'эр пришóв с'уды. За л'ісом изнóв ішли, [в гóды]. Та кáжу шчó.. трина́ц'ц'а-того феврал'á свáл'ба в Їрїны. «Йóй, – кáже, – трина́ц'ц'а-того не роб'їт! шчаслїва ни бýде. Не роб'їт трина́ц'ц'а-того числá роб'їт [sic], йá вам дáм духовый аркéстр, вс'ó на свáд'бу, лїш ни трина́ц'ц'а-того числá. Ї йá прїйду гул'áти на свáл'бу». Ї тóд з'áт' упéртый быв такый, шчо н'і, йемў лїш трина́ц'ц'а-того числá. Ї тák шчáс'ц'а ни бýло.

меня было, правда, голубцов я наварила и такие, уже и постные для Сочельника нам, и с мясом, чтобы были на праздники. А я им дала поесть, еще у меня водки было в четвертинке немного. И ее им разлила, а еще один тут коноксом работал в лесничестве, сам из Нересницы. Еще и этого я позвала на ужин, потому что жена у него не приехала.. с ужином сюда, что-то то ли автобуса не было, то ли что, и я позвала и его здесь поесть. И все.. склонились все пять мужчин вокруг стола, и у всех слезы потекли из глаз. А у меня еще до этого из Лопухова девушка тут коров доила в колхозе. На ферме работала. И ее я позвала, ну я не ожидала этих солдат, что тут кто-нибудь придет. Как-то я их всех поместила, угостила, что было, то я дала, и всё. Ну они.. когда.. это уже прошли годы, когда Ирина, дочка покойная, должна была выходить замуж, сам этот офицер приехал сюда. За лесом опять ехали, [...]. И я говорю, что тринадцатого февраля свадьба у Ирины. «Ой, – говорит, – тринадцатого не устраивайте! не будет ей счастья. Не устраивайте тринадцатого, я вам дам духовой оркестр, всё на свадьбу, только не тринадцатого числа. И я приеду гулять на свадьбу». А этот зять упрямый был такой, что нет, ему только тринадцатого числа. И так счастья не было.

О дружбе с немцами

[...] нас, тфу, тфу, міловала дóбре. Аш н'і н'імц'і, йа вам кáжу, мб́ вже бис'мè і.. і з голоду поумерáли. Перет Пáсхов пришлі вдн́и н'імц'і, привéзли ми і маргар'іна, пос.. мáсла путсón'ачного, і мукы́, і цукру, і йак'іс' тр'áпкы, над'іти, перет Пáсхы. Потóму.. тай дáли ми п'йáддес'ат мáрку б́ыли. Тай потóму знóв був одін зовс'ім крóвный н'імец', з Гермáн'ійі. М'ілер. Тóже ми допому́х, прин'іс шчóс', потóму шчé б́ыли. Тепéркы б́ыли, два т́ыжн'і. А, у п'йáтниц'у пойхали гét в́ыц'с'і. Тóже, но сé вже б́ыв сус'іт, шчо т́уй в́ырус. Коло мéне в сус'ід'ах, та всé ішóв ід мóйим д'іт'ом бáвити с'а. Ну мал́ый таќый б́ыв, пушóв в́ыц'с'і, йак нáш Вáс'ко. Ї вун менé ни заб́ыв, д'ітвáк тóт, прáвда, мáти йийі шче ж́ийе. А йийі мáти ішла в́ыц'с'і з д'ітінов чт́ырим'іс'ац'óвов. Та йак іх тто вéли óндекы на.. у.. ешелон клáли, йа тák ревáла: «Шчо! – кáжу, – Ворóнико, т́ы в́іниш іс с́ив д'ітінов, у дорóз'і, в с'в'іт'і?» Ї она заплакала, нó і ни заб́ыла. Она див'йáносто і п'йáд' гóду мáйе, прислáла ми п'йáддис'ат мáрку. Ї ттá д'івочка, шчо йі в́ыц'с'і в́ывезла, тепér б́ыла т́уйкы, та кáже ми, йийі сестрá [...], та кáже нáша, шчо чоты́ри м'іс'ац'і мáла, коли мáма з нів ішла в́ыц'с'і. «Йó, – кáжу, – йá за с́ив тák плáкала, та за мáт'ер'ов, шчó бде с тобóв, небóре, чиніти твóйа мáма

[...] нас, тфу-тфу, помиловала. Если бы не немцы, говорю вам, мы бы уже и.. и с голоду поумирали. Перед Пасхой приезжали одни немцы, привезли мне и маргарина, масла подсолнечного, и муки, и сахару, и какие-то тряпки, надеть, перед Пасхой. Потом.. и дали мне пятьдесят марок. И потом опять был один совсем чистокровный немец, из Германии. Миллер. Тоже мне помог, привез что-то, потом еще были. Теперь были, две недели. А, в пятницу уехали отсюда. Тоже, но это уже был сосед, который здесь вырос. Около меня по соседству, и постоянно приходил к моим детям играть. Ну был такого возраста, когда уехал отсюда, как наш Васко. И он меня не забыл, мальчик этот, правда, мать ее [sic] еще жива. А ее мать уезжала отсюда с ребенком четырехмесячным. И когда их это вели там на.. в эшелон сажали, я так плакала: «Что! – говорю, – Вороника, ты сделаешь с этим ребенком, в дороге, в мире?» И она заплакала, но и не забыла. Ей девяносто пять лет, прислала мне пятьдесят марок. И эта девочка, которую она отсюда вывезла, теперь была тут, и говорит мне, ее сестра [...], и говорит наша, что ей было четыре месяца, когда мама с ней уехала отсюда. «Да, – говорю, – я о ней так плакала, и о матери, что будет с тобой, *неборе*, делать твоя мама в мире». Она вы-

в с'в'іт'і». Она в'іт'агла тóже д'ес'ад' дóлару та ми.. подар'іла, тотá.

Ни мáла-м н'ї.. н'їгда н'ї с к'ым злóбо в сел'ї. З ус'іма-м дóбра.

тащила тоже десять долларов и мне подар'ила, эта.

Никогда у меня не было ни с кем ничего плохого в селе. Я со всеми в хороших отношениях.

Литература

- Брок 1899 — *Брок О.* Угросусское наречие села Убли (Земплинского комитата). СПб., 1899.
- Лешка, Шішкова, Мушинка — *Лешка О., Шішкова Р., Мушинка М.* Розповіді з Підкарпаття. Українські говірки Східної Словаччини. New York; Praha; Київ, 1998.
- Николаев 2001 — *Николаев С. Л.* Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Дialeктная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001. С. 86–121.
- Николаев, Толстая 2017 — *Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Рефлексы праславянских гласных под ударением в украинском говоре с. Убля в Восточной Словакии (по записям 2014 г.) // Дialeкти в синхронії та діахронії. Трансформація дialeктного континууму і проблеми лінгвoекoлогії. Київ, 2017. С. 296–317.
- Николаев, Толстая 2018 — *Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Работы Олафа Брока о говоре Убли и современные полевые записи // Слов'янський світ Олафа Брока / ред. Тамара Л'юнгрен, Наталя Хобзей. Львів, 2018. (Серія «Дialeктологічна скриня»; Українознавча наукова бібліотека НТШ. Ч. 48). С. 159–203.
- Німчук 2004 — *Німчук В. В.* Закарпатський говір // Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2004. С. 189–191.
- Петров 1911 — *Петров А.* Материалы для истории Угорской Руси. VI. Пределы угорской речи в 1773 г. по официальным данным. Исследование и карты. СПб., 1911.
- Толстая 2001 *Толстая М. Н.* Из материалов Карпатских экспедиций // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001. С. 477–495.
- Толстая 2017 — *Толстая М. Н.* Люди и змеи в центральном Закарпатье (по полевым материалам рубежа XX–XXI вв.) // Антропоцентризм в языке и культуре. М., 2017. С. 107–156.
- Толстая 2021 — *Толстая М. Н.* Священники и монахи как «знающие» люди в народной традиции Закарпаття (по полевым материалам) // Живая старина. 2021. № 2. С. 29–33.

*Summary**Sergey L. Nikolaev,
Marfa N. Tolstaya***Dialectal texts from Russkaya Mokraya (Transcarpathia, Ukraine)**

The Transcarpathian village of Russkaya Mokraya is located in the historic North Marmorosh region and has been known since the 17th century. The published texts were recorded during the expedition of the Institute of Slavic Studies in 1995 and contain mainly stories about the period of World War II, the Hungarian-German occupation, relations with the Hungarian administration and historical German and Jewish neighbors, deportation of Jews. The introduction briefly describes the phonetics of the dialect and its place on the dialectological map.

Keywords: dialectal texts, Transcarpathian dialect, Marmorosh dialects, World War II, oral history